

Копчёная селёдка без горчицы

Автор:

[Алан Брэдли](#)

Копчёная селёдка без горчицы

Алан Брэдли

Загадки Флавии де Люс #3

В старинном английском поместье Букшоу обитают последние представители аристократического рода – эксцентричный полковник де Люс и три его дочери. Пока полковник лихорадочно ищет способы спасти семью от разорения, распродавая коллекцию марок и фамильное столовое серебро, две старшие доченьки, Офелия и Дафна, играют с младшей в инквизицию, но Флавии не до игр, юная сыщица занята очередным расследованием.

Этого уже вполне достаточно, чтобы сойти с ума, но ко всему прочему на территории Букшоу совершают нападение на цыганку-гадалку, разбившую лагерь в лесу, а Флавия снова находит труп – на трезубце фонтана – кто-то, явно не лишенный цинизма и чувства юмора, повесил местного прохиндея Бруки Хейрвуда.

За расследование берется упертый инспектор Хьюитт, как обычно, недооценивая сыскные таланты вездесущей одиннадцатилетней крошки из Букшоу. Кто, как не Флавия с ее настырностью, умом и неугомонным любопытством, сумеет связать череду исчезновений, смертей, краж и похищений, случившихся в тишайшем Бишоп-Лейси за последние годы.

Алан Брэдли

Копченая селедка без горчицы

Alan Bradley

A RED HERRING WITHOUT MUSTARD

Originally published in US by Delacorte Press, New York, NY

The book was negotiated through Banke, Goumen and Smirnova

Literary Agency (www.bgs-agency.com) and The Bukowski Agency

(www.bukowskiagency.com)

Copyright © 2011 by Alan Bradley

© Измайлова Е.Г., перевод, 2011

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Детектив о Флавии де Люс

Посвящается Джону и Джанет Харланд

...кружка эля без девицы – что ж, увы, это все равно что яйцо без соли
или копченая селедка без горчицы.

Томас Лодж и Роберт Грин, «Зеркало для Лондона и Англии» (1592 г.)

- Ты меня пугаешь, - сказала цыганка. - Никогда не видела, чтобы мой хрустальный шар наполнялся таким мраком.

Она накрыла шар ладонями, словно чтобы защитить мои глаза от ужасов, плавающих в темных глубинах. Когда ее пальцы стиснули стекло, мне показалось, что по моему пищеводу прокатилась струйка ледяной воды.

На краю стола мерцала тонкая свеча, ее нездоровый свет падал на покачивающиеся медные кольца-сережки цыганки, отражаясь, чтобы умереть где-то в затемненных углах палатки.

Черные волосы, черные глаза, черное платье, нарумяненные щеки, красный рот и голос, который мог так охрипнуть только после выкуривания полумиллиона сигарет.

Словно чтобы подтвердить мои подозрения, старуху внезапно скрутил приступ жестокого кашля, сотрясшего ее хрупкое тело и заставившего ее ужасно задыхаться в попытках вдохнуть. Казалось, будто в ее легких застряла огромная птица и теперь хлопает крыльями, пытаюсь вырваться.

- Вам плохо? - спросила я. - Я схожу за помощью.

Кажется, я видела доктора Дарби на церковном празднике минут десять назад, он ходил от лотка к лотку, чтобы перекинуться с каждым парой слов. Но не успела я двинуться, как смуглая рука накрыла мою на черном бархате скатерти.

- Нет, - сказала она. - Нет... не надо. Это у меня постоянно.

И снова закашлялась.

Я терпеливо ждала, почти боясь шелохнуться.

- Сколько тебе лет? - наконец сказала цыганка. - Десять? Двенадцать?

– Одиннадцать, – ответила я, и она устало кивнула с таким видом, будто и так знала.

– Я вижу... гору, – продолжила она, выдавливая слова, – и лицо... женщины, которой ты станешь.

Несмотря на удушающую жару в темной палатке, моя кровь похолодела. Она видит Харриет, конечно же!

Харриет – моя мать, погибшая из-за несчастного случая в горах, когда я была совсем маленькой.

Цыганка перевернула мою ладонь и больно ткнула большим пальцем в самый центр. Мои пальцы развернулись и снова сжались, словно отрубленная ножка цыпленка.

Она взяла мою левую руку.

– Это рука, с которой ты родилась, – сказала она, едва глянув на ладонь, затем уронила ее и подняла другую руку, – ...а это рука, которая меняется с тобой.

Гадалка с неприязнью смотрела на мою руку в свете мерцающей свечи.

– Вот эта разорванная звезда на холме луны указывает на блестящий ум, обращенный сам в себя, ум, блуждающий по дорогам мрака.

Не то, что я хотела услышать.

– Расскажите мне о женщине, которую вы видели на горе, – попросила я. – О той, кем я стану.

Цыганка снова начала кашлять, кутаясь в шаль, брошенную на плечи, как будто укрываясь от ветра.

– Посеребри руку, – потребовала она, протягивая грязную ладонь.

– Но я дала вам шиллинг, – возразила я. – Как написано на табличке снаружи.

– Послания из Третьего Круга стоят дороже, – прохрипела она. – Они опустошают батареи моей души.

Я чуть не расхохоталась. Кем себя возомнила эта старая ведьма? Однако она, кажется, заметила Харриет за вуалью, и я не могу позволить скептицизму взять верх над возможностью перемолвиться хоть словечком с моей покойной матерью.

Я покопалась в поисках последнего шиллинга, и, когда я вдавила монету в ее ладонь, темные глаза цыганки, внезапно заблестевшие, как у галки, уставились в мои.

– Она пытается вернуться домой, – сказала она. – Эта... женщина... пытается вернуться домой из холода. Она хочет, чтобы ты помогла ей.

Я вскочила на ноги, сильно ударившись голыми коленями о столешницу. Стол покачнулся и повалился набок, свеча покатила и упала на ком мятых грязных занавесок.

Сначала появился маленький огненный язычок. Он мгновенно превратился в пламя. В ту же секунду пламя посинело, затем покраснело и быстро стало оранжевым. Я в ужасе смотрела, как оно распространяется по занавескам.

В считанные секунды запылала вся палатка.

Жаль, что у меня не хватило присутствия духа, чтобы набросить мокрую тряпку на голову цыганке и вывести ее в безопасное место. Вместо этого я бросилась прямо сквозь кольцо огня, в которое превратился вход, и не остановилась, пока не добежала до какой-то палатки, возле которой притормозила, задыхаясь и пытаясь совладать с дыханием.

Кто-то принес на церковный двор заведенный граммофон, из которого доносился голос Дэнни Кея[1 - Дэнни Кей (1913–1987) – американский актер, певец и комик. (Здесь и далее прим. перев.)], которому труба граммофона придала тошнотворно металлические нотки:

Oh I've got a lovely bunch of coconuts.

They are a-standin' in a row

Big ones, small ones, some as big as yer 'head...[2 - О, у меня есть славная куча кокосов. // Они стоят рядом, // Большие, маленькие, некоторые размером с голову...]

Я оглянулась на палатку цыганки как раз в тот момент, когда мистер Гаскинс, церковный сторож Святого Танкреда, и еще один человек, которого я не узнала, опрокинули бочонок с водой на языки пламени.

Чуть ли не половина жителей Бишоп-Лейси глазели на вздымающийся столб черного дыма, прикрывая рты ладонями или прикасаясь кончиками пальцев к щекам, и ни единый из них не знал, что делать.

Доктор Дарби уже медленно вел цыганку к палатке госпиталя Святого Джона, ее дряхлый скелет сотрясался от кашля. Какая она маленькая на солнце, подумала я, и какая бледная.

- Ах вот ты где, гнусная маленькая креветка. Мы тебя повсюду искали.

Это Офелия, старшая из моих двух сестер. Фели семнадцать, и она считает себя не ниже Пресвятой Девы Марии, хотя я готова побиться об заклад, что главное отличие между ними заключается в том, что Дева Мария не проводила двадцать три часа в сутки, разглядывая себя в зеркале и обрабатывая физиономию пинцетом.

Когда имеешь дело с Фели, лучше всего быстро парировать резким замечанием:

- Как ты осмеливаешься называть меня креветкой, ты, глупая сосиска? Отец не раз говорил тебе, что это невежливо.

Фели попыталась схватить меня за ухо, но я легко уклонилась. Жизненные обстоятельства научили меня совершать молниеносные движения, и я практически довела это умение до совершенства.

- Где Даффи? - спросила я, надеясь переключить ее злобное внимание.

Даффи – моя вторая сестра, на два года старше меня, в тринадцать лет она уже опытная мучительница.

– Пускает слюни на книги. Где же еще?! – Сестра указала подбородком на подкову из столов, расставленных на траве церковного кладбища, где Алтарная гильдия и Женский институт Святого Танкреда объединили силы, дабы устроить благотворительную распродажу подержанных книг и разнообразного хозяйственного барахла.

Фели, похоже, не обратила внимания на дымящиеся остатки палатки цыганки. Как всегда, из тщеславия она оставила очки дома, хотя ее невнимательность может объясняться просто недостатком интереса. Из практических соображений энтузиазм Фели не простирался дальше ее кожи.

– Посмотри сюда, – сказала она, поднося черные сережки к ушам. Она не могла удержаться, чтобы не похвастаться. – Французский черный янтарь. Из поместья леди Троттер. Гленда говорит, что им повезло выручить за него шестипенсовик.

– Гленда права, – заметила я. – Французский черный янтарь – это просто стекло.

Это правда: я недавно растворила жуткую викторианскую брошь у себя в химической лаборатории и обнаружила, что это сплошной кремний. Вряд ли Фели оставит это просто так.

– Английский янтарь намного интереснее, – продолжила я. – Он состоит из окаменевшей смолы араукарии чилийской, видишь ли, и...

Но Фели уже уходила, привлеченная видом Неда Кроппера, рыжеволосого помощника трактирщика из «Тринадцати селезней», который с определенной мускулистой грацией энергично бросал деревянные палки в «тетю Салли». Его третья палка расколола глиняную трубку деревянной фигуры на две равные части, и Фели оказалась рядом с ним как раз вовремя, чтобы заполучить призового медвежонка, которого ей вручил ужасно краснеющий Нед.

– Есть что-нибудь, стоящее спасения от костра? – спросила я у Даффи, прилипшей к тому, что, судя по пожелтевшим страницам, могло оказаться первым изданием «Гордости и предубеждения».

Хотя маловероятно. Целые библиотеки шли в утиль во время войны, и нынче мало что осталось для благотворительных распродаж. То, что не продадут до конца летнего сезона, в Ночь Гая Фокса[3 - 5 ноября - в этот день в Англии празднуют провал Порохового заговора, когда католики-заговорщики планировали взорвать парламент.] вынесут из подвала приходского зала, свалят на траву и сожгут.

Я склонила голову набок и бросила быстрый взгляд на кучу книг, уже отложенных Даффи: «На санях и лошадях к отверженным сибирским прокаженным»[4 - «На санях и лошадях к отверженным сибирским прокаженным» - мемуары английской медсестры Кэт Марсден, которая в 1891 году совершила труднейшее путешествие в Сибирь, где ухаживала за прокаженными.], «Естественная история» Плиния, «Мученичество человека»[5 - «Мученичество человека» - самый известный труд британского философа и антрополога Уильяма Рида (1838-1875), в котором он излагает историю западной цивилизации.] и первые два тома мемуаров Джакомо Казановы - жуткая мура. Разве что за исключением Плиния, написавшего пару потрясных абзацев о ядах.

Я медленно шла вдоль стола, проводя пальцем по книгам, расставленным корешками вверх: Этель Делл, Э. Делафильд, Уорвик Дипинг[6 - Этель Делл (1881-1939) - английская писательница, автор большого количества низкопробных любовных романов, весьма обожаемых ее неудовлетворенными современницами, но ненавидимых критикой. // Э. Делафильд (1890-1943) - еще одна весьма плодовитая английская писательница, прославившаяся благодаря «Дневнику провинциальной леди». // Уорвик Дипинг (1877-1950) - английский романист и автор коротких рассказов, специализировался преимущественно на исторических любовных романах.]...

Как-то раз я заметила, что фамилии большинства великих отравителей начинались с английской буквы «С», а теперь все эти писатели начинаются на «Д». Я опять кое-что нащупала? Некую тайну вселенной?

Я зажмурилась и сосредоточилась: Диккенс... Дойл... Дюма... Достоевский - я видела их всех в то или иное время в руках Даффи.

Сама Даффи собиралась стать писательницей, когда вырастет. С имечком Дафна де Люс у нее не было шансов потерпеть неудачу!

– Дафф! – начала я. – Ни за что не догадаешься...

– Тихо! – рявкнула она. – Я же велела тебе не говорить со мной, когда я читаю.

Моя сестра бывает весьма противной свиньей, когда захочет.

Так было не всегда. Когда я была маленькой, например, и отец рекрутировал Даффи следить, чтобы я молилась на ночь, она научила меня читать молитвы на испорченной латыни, и мы катались на плотно набитых подушках, смеясь до упаду.

Но с годами между моими сестрами и мной что-то изменилось.

Немного обиженная, я потянулась к томику, лежащему наверху стопки, – «Зеркалу для Лондона и Англии». Эта книга, подумала я, понравится Фели, потому что она сходит с ума по зеркалам. Может, я сама ее куплю и сохраню до того маловероятного дня, когда мне может захотеться сделать ей подарок или приношение в знак мира. Случались и более странные вещи.

Листая страницы, я сразу же увидела, что это не роман, а пьеса с именами персонажей и их репликами. Кто-то по имени Адам разговаривал с клоуном:

«...кружка эля без девицы – что ж, увы, все равно что яйцо без соли или копченая селедка без горчицы».

Какой прекрасный девиз для кое-кого, подумала я, бросая взгляд туда, где Нед слегка прикасался губами к шее моей сестры, а она делала вид, что не замечает. Не раз я видела, как Нед занимается работой по хозяйству во дворе «Тринадцати селезней» с высокой пивной кружкой, наполненной элем, – а временами еще и рядом с Мэри Стокер, дочерью хозяина. С неожиданным изумлением я осознала, что без эля или женщины поблизости Нед кажется каким-то неполным. Почему я раньше этого не замечала? Возможно, словно доктор Ватсон по радио в «Богемском скандале», временами я смотрю, но не вижу. Это надо осмыслить.

– Твоя работа, полагаю? – внезапно сказала Даффи, отложив одну книгу и взяв другую. Она указала в сторону кучки деревенских жителей, глазевших

на дымящиеся руины палатки цыганки. – Там будто написано, что это Флавия де Люс.

– Иди к черту, – заявила я. – Я собиралась помочь тебе отнести твои дурацкие книжонки домой, но теперь будешь переть их на себе.

– О, прекрати! – сказала она, хватая меня за рукав. – Будь добра, воздержись. Струны моего сердца играют «Реквием» Моцарта, и предательская слеза выступила на правом глазу во время нашего разговора.

Я побрела в сторону, беззаботно насвистывая. Разберусь с ее дерзостью позже.

– О! Перестань, Бруки! Мне больно!

Ноющий голос доносился откуда-то со стороны церкви, и если держаться за лотерейным киоском, то можно подслушивать в безопасности. Более того, я, к своему удовольствию, обнаружила, что имею неожиданно хороший обзор сквозь дыру в грубой древесине киоска.

Колин, которого держал за руки Бруки Хейрвуд, приплясывал, словно большая рыбина в очках, толстые стекла косо сидели на носу, грязные светлые волосы всклокочены, крупный влажный рот приоткрыт, словно от нехватки воздуха.

– Уйди, я ничего не делал.

Второй рукой Бруки схватил Колина за заднюю часть мешковатых брюк и повернул лицом к дымящимся остаткам цыганской палатки.

– Кто тогда это сделал, а? – требовательно спросил он, дергаясь всем телом, чтобы подчеркнуть слова. – Где дым, там огонь. Где огонь, там спички. А где спички, там Колин Праут.

– Вот, – сказал Колин, пытаюсь запихнуть руку в карман. – Пересчитай! Ты просто сосчитай, Бруки. То же количество, что вчера. Я не использовал ни единой.

Когда Бруки выпустил его, Колин упал на землю, перекатился на живот, залез в карман и достал коробок спичек, помахав им перед своим мучителем.

Бруки поднял голову и принялся, словно в поисках указаний. Грязная кепка и каучуковые сапоги, длинное молескиновое пальто и, несмотря на теплую летнюю погоду, шерстяной шарф, обвивший его бульдожьей шеей, словно алая змея, придавали ему вид крысолова из романа Диккенса.

Не успела я подумать, что делать, как Колин поднялся на ноги, и они оба неторопливо пошли по церковному кладбищу, Колин отряхивался и усердно пожимал плечами, будто ему ни до чего нет дела.

Полагаю, мне следовало бы выйти из-за киоска, признаться, что я виновата в пожаре, и потребовать, чтобы Бруки отпустил мальчика. Если бы он отказался, я бы легко могла сбегать за викарием или позвать кого-то из крепких мужчин в пределах слышимости. Но я этого не сделала. По простой причине, которую я осознала с легким холодком: я боюсь Бруки Хейрвуда.

Бруки – отброс общества в Бишоп-Лейси.

– Бруки Хейрвуд? – презрительно фыркнула Фели, когда миссис Мюллет предложила нанять Бруки, чтобы он помогал Доггеру засеивать огород и подстригать изгороди в Букшоу. – Но он же эмигрант на пособии, разве не так? За наши жизни никто не даст и двух пенсов, если он будет тут шататься.

– Что значит эмигрант на пособии? – спросила я, когда Фели вылетела из кухни.

– Не знаю, детка, – ответила миссис Мюллет. – Его мать – та леди, что рисует в Мальден-Фенвике[7 - Фели, видимо, имела в виду, что Бруки живет за счет матери. Эмигрант на пособии (remittance man) – специальный термин в Англии (теперь устаревший), обозначающий эмигрантов, которые жили на пособие, присылаемое с родины.].

– Рисует? – переспросила я. – Красит дома?

– Дома? Господь с тобой. Нет, кувшины там всякие. Господь верхом на лошадях. Может, даже когда-нибудь и вас нарисует. Тебя, мисс Офелию и мисс Дафну.

При этих словах я пренебрежительно фыркнула и вылетела из кухни. Если меня соберутся нарисовать маслом, покрыть лаком и поставить в раму, я буду

позировать только в лаборатории и ни в каком другом месте.

Окруженная мензурками, стеклянными колпаками и коническими колбами Эрленмейера, я подниму нетерпеливый взгляд от микроскопа, примерно так, как мой покойный двоюродный дедушка Тарквин де Люс на своем портрете, висящем в галерее Букшоу. Как дядя Тар, я приму раздраженный вид. Никаких лошадей и господ, нет уж, спасибо.

Легкая пелена дыма до сих пор висела над церковным кладбищем. Теперь, когда большинство зевак ушли, обугленные, тлеющие остатки палатки были хорошо видны рядом с тропинкой. Но меня интересовало не столько это пепелище, сколько то, что находилось за ним – ярко разрисованный цыганский фургон.

Масляно-желтый, с малиновыми ставнями, речными боками, под нависающей закругленной крышей, он казался буханкой хлеба, вылезшей из формы для выпечки. От веретенообразных желтых колес до изогнутого жестяного дымохода, от цветных окон до затейливых резных деревянных консолей по каждую сторону двери, он словно с грохотом выкатился из сна. В довершение всего среди покосившихся надгробий в дальнем конце церковного кладбища живописно пасся дряхлый конь с искривленной спиной.

Цыганская порода. Я узнала ее сразу же по фотографиям, которые видела в «Сельской жизни». Из-за пушистых ног и хвоста и длинной гривы, свешивающейся на морду (из-под которой он жеманно косился, словно Вероника Лейк), жеребец выглядел гибридом клайдесдейла[8 - Порода лошадей-тяжеловозов.] и единорога.

– Флавия, детка, – раздался голос за моей спиной. Это был Дэнвин Ричардсон, викарий Святого Танкреда. – Доктор Дарби будет тебе очень обязан, если ты сбегашь и принесешь ему кувшин свежего лимонада из кухни.

Мой сердитый взгляд, должно быть, заставил его почувствовать себя виноватым. Почему так, почему с одиннадцатилетними девочками вечно обращаются как со служанками?

– Я бы сам сходил, видишь ли, но добрый доктор опасается, что бедняжку оттолкнет мой пасторский воротник и тому подобное, так что...

– С удовольствием, викарий, – жизнерадостно сказала я, и вполне искренне. Роль носительницы лимонада даст мне доступ в палатку «скорой помощи» Святого Джона.

Я вприпрыжку вбежала в кухню приходского зала («Простите! Медицинская необходимость!»), выскочила с кувшином ледяного лимонада и была уже в тусклом свете госпитальной палатки, наливая напиток в треснувший бокал без ножки.

– Надеюсь, вы в порядке, – сказала я, протягивая его цыганке. – Простите за палатку. Я заплачу, разумеется.

– Ммм, – произнес доктор Дарби. – Нет необходимости. Она уже объяснила, что это был несчастный случай.

Жуткие покрасневшие глаза женщины осторожно наблюдали за мной, пока она пила.

– Доктор Дарби, – сказал викарий, просовывая голову между полотнищами палатки, словно черепаха, и стараясь не показать пасторский воротник. – Найдется у вас минутка? Миссис Пизли на площадке для кегельбана... Говорит, что почувствовала себя плохо.

– Ммм, – отозвался доктор, закрывая свой черный чемоданчик. – Что вам требуется, милая, – сказал он цыганке, – так это хороший отдых. – И обратился ко мне: – Побудь с ней. Я ненадолго. А дождя так и нет, – заметил он в никуда, выходя из палатки.

– Я заплачу за палатку, – повторила я. – Пусть даже это несчастный случай.

Она снова закашлялась, и даже мне было очевидно, что пожар собрал свою дань с ее и без того слабых легких. Я беспомощно ждала, когда она перестанет задыхаться.

Когда, наконец, это произошло, снова повисло долгое нервирующее молчание.

– Женщина, – сказала цыганка. – Женщина на горе. Кто она?

- Это была моя мать, - ответила я. - Ее звали Харриет де Люс.

- А гора?

- Где-то в Тибете, полагаю. Она погибла там десять лет назад. Мы нечасто говорим об этом в Букшоу.

- Что точное «букшоу»?

- Это место, где я живу. Рядом с деревней, - объяснила я, неопределенно махнув рукой.

- А! - сказала она, уставившись на меня проницательным взглядом. - Большой дом. С двумя крыльями, уходящими назад.

- Да, он, - согласилась я. - Неподалеку от излучины реки.

- Да, - сказала женщина. - Я там останавливалась. Но не знала, как называется место.

Останавливалась там? Я не могла поверить.

- Леди разрешила моему рому и мне разбить лагерь в роще у реки. Ему требовалось отдохнуть...

- Я знаю, где это, - сказала я. - Это называется Изгороди. Там старые кусты и...

- Ягоды, - добавила она.

- Но постойте! - воскликнула я. - Леди? В Букшоу нет никаких леди с тех пор, как погибла Харриет.

Цыганка продолжала, как будто не слышала моих слов:

- Красивая леди, вот какой она была. Но похожа на тебя, - добавила она, рассматривая меня вблизи, - теперь, когда вижу тебя на свету.

Затем ее лицо омрачилось. То ли это мое воображение, то ли ее голос наливается силой с каждым словом.

– Затем нас вышвырнули, – сердито сказала она. – Сказали, что больше не хотят, чтобы мы были там. Тогда-то и умер Джонни Фаа.

– Джонни Фаа?

– Мой ром. Муж. Умер посреди пыльной дороги, хватаясь за грудь и проклиная гаджо – англичанина, – который прогнал нас.

– И кто это был? – спросила я, со страхом предчувствуя ответ.

– Не спрашивала его имени. Прямой, словно аршин проглотил, негодяй.

Отец! Я уверена! Это отец после гибели Харриет выставил цыган из своего поместья.

– А Джонни Фаа, ваш муж... он умер из-за этого, вы говорите?

Цыганка кивнула, и по печали в ее глазах я поняла, что это правда.

– Потому что ему надо было отдохнуть?

– Надо было отдохнуть, – шепотом повторила она, – и мне тоже.

И тогда меня осенило. Не успела я передумать, как выпалила:

– Вы можете прийти в Букшоу. Оставайтесь сколько хотите. Все будет хорошо... обещаю.

Произнося эти слова, я знала, что грядет великая ужасная ссора с отцом, но почему-то это не имело значения. Харриет однажды предоставила этим людям убежище, и моя кровь вряд ли позволит мне поступить иначе.

– Мы припаркуем ваш фургон в Изгородях, – предложила я, – в кустах. Никто не узнает, что вы там.

Ее быстрые черные глаза изучали мое лицо. Я, желая подбодрить, протянула ей руку.

– Ммм, давай, милая. Отдых будет очень кстати. – Это был доктор Дарби, тихо проскользнувший обратно в палатку. Он едва заметно подмигнул мне. Доктор был старым другом отца, и я знала, что он тоже предвидит неизбежную битву. Он мысленно обозрел поле и взвесил шансы, перед тем как заговорить. Мне захотелось обнять его.

Он поставил черный чемоданчик на стол, покопался в его недрах и достал заткнутую пробкой бутылку.

– Принимайте это от кашля, когда будет нужно, – сказал он, протягивая бутылку цыганке. Она с сомнением посмотрела на нее. – Ну да, – он настаивал, – берите. Страшное невезение преследует того, кто отказывается лицензированному практикующему врачу, знаете ли. Я помогу с лошадей. У меня она когда-то была.

Теперь, когда он снова занялся рутинным делом старого сельского доктора, я поняла, что мы вне подозрений.

Группки людей наблюдали, как доктор провожал нас к фургону. Быстро он запряг коня цыганки в упряжку, и мы обе уселись на деревянную подставку, служившую одновременно подножкой к двери и сиденьем для кучера.

Старуха цокнула, и деревенские жители расступились в стороны, когда фургон тронулся с места и медленно покотился по тропинке через церковное кладбище. Со своего высокого места я видела множество поднятых вверх лиц, но Фели и Даффи среди них не было.

Хорошо, подумала я. Вероятнее всего, они сидят в какой-нибудь палатке, перемазав свои тупые физиономии сконсами и взбитыми сливками.

Мы громыхали по центральной улице, вымощенной булыжником.

– Как его зовут? – спросила я, показывая на дряхлую клячу.

– Грай.

– Грей?

– Грай. «Конь» по-цыгански.

Я припрятала этот странный клочок знаний на будущее, с нетерпением ожидая, когда смогу вывалить его перед сестрой-всезнайкой Даффи. Разумеется, она притворится, что и раньше знала.

Должно быть, грохот, производимый нашей ездой, заставил мисс Кул, деревенскую разносчицу новостей, подбежать к витрине ее кондитерской лавки. Когда она увидела меня рядом с цыганкой, ее глаза расширились, и она прикрыла рот рукой. Несмотря на толстое зеркальное стекло в окнах ее магазина и разделявшую нас улицу, я почти услышала, как у нее перехватило дыхание. Зрелище того, как младшую дочь полковника Хэвиленда де Люса увозят в цыганском фургоне, как бы весело он ни был раскрашен, должно быть, стало для нее ужасным шоком.

Я помахала рукой, смешно растопырив пальцы веником, как будто говоря: «Как весело!» Чего я хотела на самом деле, так это вскочить на ноги, принять соответствующую позу и заорать какую-нибудь бодрую песню вроде тех, что всегда звучат в музыкальных фильмах, но я подавила желание и удовлетворилась ужасной улыбкой и прищелкиванием пальцев.

Новость о моем похищении скоро запорхает повсюду, словно птица, выпущенная в соборе. Деревни – они такие, и Бишоп-Лейси не исключение.

«Мы все живем в одной ботинке, – любила говорить миссис Мюллет, – в точности как старая матушка Хаббард[9 - Миссис Мюллет имеет в виду знаменитый детский стишок о матушке Хаббард и ее псе, очень популярный в Англии

XIX века.]».

Резкий кашель вернул меня к реальности. Цыганка согнулась пополам, прижимая руки к ребрам. Я забрала у нее поводья.

– Вы приняли лекарство, которое дал вам доктор? – спросила я.

Она отрицательно покачала головой, и ее глаза вспыхнули двумя красными угольями. Чем скорее я доставлю этот фургон в Изгороди и эта женщина сможет лечь в кровать, тем лучше.

Теперь мы проезжали мимо «Тринадцати селезней» и Коровьего переулка. Чуть дальше на восток дорога поворачивает к Доддингсли. До Букшоу и Изгородей еще долго ехать.

Сразу за последним рядом домов узкая тропинка, которую местные называют Канавой, уходит под углом направо – просевшая в землю каменистая дорога окаймляла западный склон холма Гуджер и срезала путь через поля к южному углу Букшоу и Изгородям. Почти не думая, я потянула поводья и направила голову Грая в сторону узкой тропинки.

После относительно гладкой четверти мили фургон начал опасно крениться. Мы ехали, подпрыгивая на острых камнях, и путь становился все более узким и колеистым. По бокам были высокие насыпи, оплетенные вышедшими на поверхность спутанными корнями старых деревьев, так что как бы фургон ни качался, он не мог опрокинуться.

Прямо перед нами, словно шея гигантского зеленого лебедя, над дорогой выгнулась опутанная мхом огромная ветка древнего бука. Под ней едва можно было проехать.

– Воровской насест, – рассказала я. – Здесь разбойники с большой дороги когда-то захватывали почтовые кареты.

Цыганка ничего не ответила, похоже, ей было неинтересно. А по мне, выражение «воровской насест» было очаровательным образчиком местного фольклора.

В XVIII веке Канава была единственной дорогой между Доддингсли и Бишоп-Лейси. Заносимая снегами зимой, затопляемая потоками воды весной и осенью, она приобрела сохранявшуюся вот уже двести лет репутацию довольно неприятного места, если не сказать опасного.

«Населенная призраками истории» – так однажды сказала мне Даффи, нанося ее на карту Букшоу и окрестностей, которую она рисовала.

С такого рода рекомендацией Канава должна была бы стать одним из моих любимых мест в Бишоп-Лейси, однако нет. Только один раз я почти целиком проехала ее на «Глэдис», моем верном велосипеде, когда особенное тревожное ощущение в затылке заставило меня оглянуться. День был мрачный, дул сильный порывистый ветер, лил ледяной дождь, и низко нависли тучи, в такой день...

Цыганка выхватила поводья у меня из рук и резко дернула.

– Тпру! – хрипло крикнула она и заставила лошадь остановиться.

Высоко на увитой мхом ветке восседал ребенок, решительно засунув палец в рот.

По рыжим волосам я определила, что это один из Буллов.

Цыганка перекрестилась и пробормотала что-то вроде «Хильда Мюир».

– Джа! – добавила она, щелкая поводьями. – Джа!

Грай стронул фургон с места. Когда мы медленно проезжали под веткой, ребенок опустил ноги и забарабанил пятками по крыше фургона, издавая жуткие гулкие звуки.

Будь моя воля, я бы залезла наверх и как минимум устроила бы маленькому поросенку хорошую выволочку. Но один взгляд на цыганку научил меня, что временами лучше молчать.

Грубые кусты ежевики цеплялись за фургон, подпрыгивающий и качающийся из стороны в сторону, но цыганка, казалось, ничего не замечала.

Она ссутулилась над поводьями, решительно уставившись водянистыми глазами куда-то за горизонт, как будто здесь и сейчас осталась только ее оболочка, а остальное скрылось в каком-то далеком туманном краю.

Дорога чуть-чуть расширилась, и через секунду мы медленно проехали мимо полуразрушенного частотола. За ним находился обветшалый дом, который, казалось, был собран из выброшенных дверей и старых ставней, по засыпанному песком огороду был разбросан всякий хлам, в том числе допотопная печь, старомодная детская коляска с двумя недостающими колесами, большое количество ископаемых автомобилей, и все вокруг устилал слой пустых жестянок. Там и сям грудились покосившиеся строения – навесы, сколоченные из сгнивших, заросших мхом досок, рассыпаны пригоршни гвоздей.

Над этим всем висела серая пелена едкого дыма, поднимающаяся от множества тлеющих куч мусора, из-за чего это место напоминало жуткий ад с гравюр викторианской Библии. В ванне посередине грязного двора сидел маленький ребенок, он вынул палец изо рта, как только увидел нас, и разразился громким ревом.

Все казалось покрытым ржавчиной. Даже рыжие волосы ребенка усиливали впечатление, что мы заблудились в незнакомой, пришедшей в упадок земле, где царило окисление.

Окисление, я никогда не уставала напоминать себе, – это то, что происходит под воздействием кислорода. Оно разрушает мою собственную кожу в этот самый момент и кожу сидящей рядом со мной цыганки, хотя легко увидеть, что она зашла по этому пути куда дальше, чем я.

Мои ранние химические опыты в лаборатории в Букшоу подтвердили, что в некоторых случаях, например, когда железо воспламеняется в атмосфере чистого кислорода, окисление – это волк, разрывающий пищу так жадно, что железо сгорает. То, что мы называем огнем, – в действительности не более чем наш старый друг окисление, работающий под накалом страстей.

Но, когда окисление пожирает медленнее – более нежно, по-черепаши – мир вокруг нас, мы зовем его ржавчиной и порой редко замечаем, как оно делает свое дело, уничтожая все – от шпилек для волос до целых цивилизаций. Иногда я думаю, что если бы мы могли остановить окисление, мы бы остановили время и, возможно, смогли бы...

Мои приятные размышления прервал пронзительный крик.

– Цыгане! Цыгане!

Крупная рыжеволосая женщина в домашнем платье с пятнами пота под мышками выбежала, размахивая руками, из дома и устремилась через двор к нам. Рукава платья были закатаны, обнажая костлявые локти, как будто она готовилась к драке.

– Цыгане! Цыгане! Убирайтесь! – завопила она, и ее лицо стало таким же красным, как волосы. – Том, а ну иди сюда! Цыгане у ворот!

Каждый в Бишоп-Лейси отлично знал, что Том убрался давным-давно и вряд ли вернется. Женщина блефовала.

– Это вы украли моего ребенка, и не надо мне говорить, что не вы! Я видела, как вы тут шатались в тот день, и повторю эти слова в любом суде!

Исчезновение маленькой дочки Буллов несколько лет назад удивило всех, но постепенно неразгаданное происшествие отступило на задние страницы газет и стерлось из памяти.

Я бросила взгляд на цыганку, чтобы увидеть, как она держится под нападками громогласной обвинительницы. Она неподвижно сидела на своем месте, уставившись вперед, глухая ко всему миру. Эта реакция, кажется, привела крикунью в еще большее неистовство.

– Том, а ну иди сюда... и принеси топор! – завизжала она.

До этого времени женщина, похоже, не замечала меня, но теперь внезапно уставилась мне в глаза, и впечатление было драматическое.

– Я знаю тебя! – заорала она. – Ты из этих девиц де Люс из Букшоу, да? Я везде узнаю их холодные голубые глаза.

Холодные голубые глаза? Это стоит обдумать. Хотя отец часто замораживал меня на месте взглядом, я ни разу, ни на миг, не подумала, что и сама обладаю этим смертоносным оружием.

Я осознавала, конечно, что мы оказались в затруднительном положении, которое может вмиг стать угрожающим. Очевидно, что на цыганку нельзя было рассчитывать. Выпутываться из опасной ситуации придется мне.

– Боюсь, вы ошибаетесь, – сказала я, задирая подбородок и прищуривая глаза для пущего эффекта. – Меня зовут Маргарет Воул, и это моя двоюродная бабушка Джильда Дикинсон. Может, вы видели ее в кино? В «Алом коттедже»? В «Королеве луны»? Ну разумеется, как глупо с моей стороны: вы не признали ее в цыганском наряде, не так ли? И с толстым слоем грима? Простите, я, кажется, не расслышала ваше имя, мисс...

– Б-булл, – заикаясь, ответила женщина, слегка захваченная врасплох. – Миссис Булл.

Она уставилась на нас с крайним замешательством, как будто не верила своим глазам.

– Приятно познакомиться, миссис Булл, – сказала я. – Надеюсь, вы окажете нам содействие? Мы совершенно потерялись, видите ли. Мы должны были присоединиться к съемочной группе несколько часов назад в Мальден-Фенвике. Мы обе вполне беспомощны, когда дело касается направлений, не так ли, тетя Джильда?

От цыганки не было ответа.

Рыжеволосая женщина уже начала приглаживать влажные пряди волос.

– Идиоты вы, кто бы вы там ни были, – сказала она, указывая. – В этих местах нельзя развернуться. Тропинка слишком узкая. Вам придется ехать прямо до Доддингсли и затем возвращаться через Тенч.

- Ужасно благодарна, – произнесла я с непревзойденными интонациями деревенской дурочки, взяв поводья у цыганки и щелкнув ими.

- Джа! – крикнула я, и Грай сразу же тронулся.

Мы отъехали примерно на четверть мили, когда цыганка вдруг заговорила.

- Ты врешь прямо как мы, – заметила она.

Вряд ли я могла ожидать подобное замечание. Должно быть, она заметила удивленное выражение на моем лице.

- Ты лжешь, когда на тебя нападают ни за что... за цвет глаз?

- Да, – ответила я. – Полагаю, да. – Я никогда не думала об этом.

- Так что, – заявила она, внезапно оживившись, – ты врешь, как мы. Ты врешь, как цыганка.

- Это хорошо? – поинтересовалась я. – Или плохо?

Она медленно ответила:

- Это значит, что ты проживешь долгую жизнь.

Уголок ее рта изогнулся, как будто вот-вот должна была появиться улыбка, но она ее быстро подавила.

- Несмотря на разорванную звезду на моем холме луны? – не смогла удержаться я.

Ее трескучий смех застал меня врасплох.

- Мумбо-юмбо. Гадательная ерунда. Ты не купилась на нее, ведь так?

Смех спровоцировал очередной приступ кашля, и мне пришлось ждать, пока она восстановит дыхание.

- Но... женщина на горе... женщина, которая хочет вернуться из холода...

- Послушай, - сказала цыганка утомленно, как будто не привыкла говорить, - твои сестры подрядили меня на это дело. Намекнули о тебе и Харриет. Сунули мне пару шиллингов, чтобы я напугала тебя до смерти. Вот и все.

У меня кровь похолодела. Как будто кран, питающий мой мозг, внезапно переключили с горячего на холодный. Я уставилась на нее.

- Извини, если сделала тебе больно, - продолжила она. - Я вовсе не хотела...

- Без разницы, - сказала я, механически пожав плечами. Но мне было не все равно. Мысли завертелись. - Уверена, я найду, как им отплатить.

- Может, я смогу помочь? - предложила она. - Мечь - это моя работа.

Она морочит мне голову? Разве эта женщина только что не призналась, что она мошенница? Я пытливо посмотрела в ее черные глаза в поисках знака.

- Не надо на меня так смотреть. Я сказала, что мне жаль, разве не так? И я правду сказала.

- Неужели? - спросила я довольно нахально.

- Не надо дуться. В мире и так довольно обиженных, ни к чему пополнять их число.

Она права. Хоть я пыталась удержать уголки рта внизу, они дернулись и начали подниматься. Я засмеялась, и цыганка засмеялась вместе со мной.

- Ты напомнила мне то создание, которое было в палатке перед тобой. Настоящая грозовая туча. Сказала ей, что в ее прошлом что-то похоронено; сказала, что оно хочет выйти наружу, хочет, чтобы все исправили. Она вышла белая как мел.

– Почему? Что ты увидела? – спросила я.

– Деньги! – сказала она со смешком. – То же, что всегда. Парочку соверенов, если я правильно раскину карты.

– И ты это сделала?

– Пф! Проклятый шиллинг – вот что она мне оставила, и ни пенни больше. Я говорила, она вышла вся покрытая мурашками, когда я ей это сказала. Выскочила из моей палатки, будто сидела на чертополохе.

Некоторое время мы ехали молча и вскоре почти достигли Изгородей.

Для меня Изгороди были неким утраченным и забытым уголком рая. В юго-восточной части поместья Букшоу, под пышным пологом зеленых ветвей, река аккуратным изгибом поворачивала к западу, образуя тихий болотистый участок, почти остров. Здесь восточный берег был чуть выше западного, а западный более болотист, чем восточный. Если точно знать, куда смотреть, среди деревьев можно до сих пор разглядеть симпатичные арки маленького каменного моста, датировавшегося временем основания Букшоу, елизаветинского особняка, который в 1600-х годах сожгли разъяренные жители деревни, сделавшие неверное предположение о религиозной лояльности нашей семьи.

Я повернулась к цыганке, желая поделиться с ней своей любовью к этому месту, но она, кажется, уснула. Я внимательно понаблюдала за ее веками, чтобы проверить, не притворяется ли она, но не увидела ни единого подергивания. Откинувшись на стенку фургона, она время от времени посапывала, так что я знала, что она еще дышит.

Почему-то я ощутила недовольство ее легкой дремой. Я прямо чесалась от желания развернуть перед ней, словно экскурсовод, некоторые из самых интересных страниц истории Букшоу. Но придется оставить это при себе.

Изгороди, как мы их называли, были прибежищем Никодимуса Флитча, портного, который в XVII веке основал религиозную секту хромцов. Так их называли потому, что они как-то по-особенному двигались, собираясь на свои молитвы.

Верования хромцов основывались на очень нестандартных идеях вроде той, что небеса удобно расположены в шести милях над поверхностью земли и что Никодимус Флитч персонально выбран Богом в качестве его глашатая и в качестве такового получил привилегию проклинать души навечно, когда ему взбредет в голову.

Даффи рассказывала мне, что однажды, когда Флитч проповедовал в Изгородах, он призвал гнев Господень на голову одного нечестивца и тот упал замертво на месте – и что если я не начну немедленно орудовать вилкой над баночкой лакричного ассорти, присланного на мой день рождения тетушкой Фелисити, она призовет то же самое проклятие на мою голову.

«И не думай, что я не могу, – зловеще добавила она, постукивая указательным пальцем по книге, которую читала. – Инструкции прямо на этой странице».

Смерть нечестивца была совпадением, сказала я ей, и вероятнее всего, причиной стал сердечный приступ. Он, скорее всего, умер бы в любом случае, даже если бы решил остаться в этот день дома в постели.

«Не будь так в этом уверена», – проворчала Даффи.

В последние годы Флитч, изгнанный из Лондона с позором и уступающий позиции более привлекательным религиозным сектам вроде рантеров, шейкеров и квакеров, диггеров, левеллеров, слайдеров, сваддлеров, тумблеров, данкеров, танкеров и даже неиспорченников[10 - Флавия смешала тут в кучу коней, людей и бог знает еще кого, то бишь секты, политические движения и вымысел. К тому же основная часть упомянутых организаций уже не существовала на момент действия в романе. // На самом деле Брэдли этой фразой точно цитирует один из выпусков газеты «Политический реестр» – памфлет Уильяма Кобблетта (1763–1835). // Рантеры – пантеистическая секта, существовавшая в Англии в XVII веке, проповедовавшая то, что Бог в каждом создании, и поэтому отрицавшая церковные институты. // Шейкеры – американская секта, зародившаяся в Англии, проповедовавшая социальное равенство и отказ от секса; считали их главой Энн Ли новым воплощением Христа. // Квакеры – конфессия, возникшая среди радикальных пуритан; утверждали ненасилие и гуманизм. // Диггеры – движение сельской бедноты против частной собственности, возникшее в 1649 году. // Левеллеры – радикальное политическое движение против монархии, появившееся в 1647 году. // Свадлеры – презрительное прозвище, данное ирландскими католиками

методистам (англ. swaddle – пеленать). // Данкеры – христианская конфессия, организовавшаяся в Германии в 1708 году, проповедовавшая непротивление и принимавшая в качестве священной книги только Новый Завет. // Танкеры – то же, что и данкеры, исходное немецкое наименование, трансформировавшееся, когда конфессия распространилась в США. // Слайдеры, тумблеры и неиспорченники – неведомы зверюшки.], направил стопы в Бишоп-Лейси, где в этой самой излучине реки начал крестить обращенных в свою диковинную веру.

Миссис Мюллет, оглянувшись за оба плеча и понизив голос до вороватого шепота, однажды сказала мне, что странное вероучение Никодимуса Флитча до сих пор, говорят, исповедуют в деревне, хотя теперь исключительно за закрытыми дверями и с опущенными занавесками.

«Они окунают детей в воду, держа их за пятки, – рассказывала она, широко открыв глаза. – Слово Киллеса за пятку в Стикс[11 - Образованный читатель наверняка догадался, что не испорченная эрудицией миссис Мюллет имела в виду Ахиллеса, которого мать искупала в реке Стикс, держа за пятку, чтобы он стал неуязвим.], говорит миссис Уоллер, ей сказал Берт. Не вздумай связываться с хромцами. Они пустят твою кровь на колбасу».

Тогда я ухмыльнулась, и теперь я тоже улыбалась, вспоминая ее слова, и одновременно вздрогнула, подумав об Изгородях и о тенях, поглощавших солнечный свет.

Последний мой визит на этот островок был весной, когда там цвел первоцвет – «пейгл», как его называет миссис Мюллет, – и примулы.

Сейчас рощица, должно быть, скрыта высокими кустами бузины, растущими вдоль речного берега. Сезон, когда можно было вдыхать нежный аромат бузины, уже миновал. Ее белые цветки, словно толпа японских зонтиков, покоричневели и исчезли с июньскими дождями. Но радовала мысль о том, что пурпурно-черные ягоды скоро придут им на смену, повиснув идеальными гроздьями.

Это в Изгородях, во времена кого-то из первых Георгов, речку Ифон отклонили, чтобы образовать декоративное озеро и питать фонтаны, остатки которых усеивают лужайки и террасы Букшоу. Во время сооружения это чудо подземного гидравлического искусства спровоцировало бесконечную неприязнь между моей

семьей и местными землевладельцами, так что один из моих предков, Люциус де Люс, впоследствии стал известен половине окрестностей как Протекающий де Люс. На портрете, висящем в картинной галерее Букшоу, он со скучающим видом смотрит на северо-западную часть озера с Причудой, фонтанами и – давно развалившимся – греческим храмом. Люциус опирается костлявыми костяшками пальцев одной руки на стол, на котором разложены компас, карманные часы, яйцо и угломерный инструмент, предназначенный для определения направлений и измерения и именуемый «теодолит». В деревянной клетке – канарейка с открытым клювом. Она то ли поет, то ли пищит о помощи.

Мои жизнерадостные мечтания были прерваны лающим кашлем.

– Дай сюда, – сказала цыганка, выхватывая поводья из моих рук.

Ей краткий сон, должно быть, помог, подумала я. Несмотря на кашель, на ее смуглых щеках появился слабый румянец, и глаза, казалось, горели ярче, чем когда-либо.

Цокнув Граю, с быстротой и непринужденностью, выдававшей ее знакомство с этим местом, она направила фургон в сторону с узкой дорожки, под густой лиственный покров и к маленькому мостику. Через несколько секунд мы остановились на опушке.

Цыганка тяжело слезла со своего места и начала распрягать Грая. Пока она занималась стариком-конем, я воспользовалась возможностью полюбоваться окрестностями.

Островки маков и крапивы росли там и сям, освещенные падающими косыми лучами послеполуденного солнца. Зелени более яркой просто не могло быть.

Грай это тоже заметил и, довольный, пасся в высокой траве.

Фургон внезапно накренился, и раздался звук, будто кто-то споткнулся.

Я спрыгнула и обежала фургон с другой стороны.

Было очевидно, что я неправильно оценила состояние цыганки. Она сползла на землю и изо всех сил цеплялась за спицы высокого деревянного колеса. Когда я подошла к ней, она снова закашлялась, еще ужаснее, чем раньше.

- Вы измучились, - сказала я. - Вам надо лечь.

Она что-то пробормотала и закрыла глаза.

Вмиг я запрыгнула на оглобли фургона и открыла дверь.

Но, каковы бы ни были мои ожидания, они не оправдались.

Внутри фургон был сказкой на колесах. Хотя я успела только окинуть его быстрым взглядом, я заметила изящную чугунную плиту в стиле королевы Анны, а над ней - полку с синим фарфором с ивовым рисунком. Горячая вода и чай - предметы первой необходимости во всех чрезвычайных обстоятельствах. Кружевные занавески висели на окнах, давая возможность использовать их в качестве бинтов в случае необходимости, и пара серебряных керосиновых ламп с красным стеклом обеспечивали постоянный свет, немного тепла и пламя для стерилизации иглолок. Моя подготовка в организации девочек-скаутов, какой бы короткой она ни была, не прошла совсем даром. В задней части находилась пара полуоткрытых резных деревянных панелей, демонстрируя просторную двухъярусную кровать почти во всю ширину фургона.

Я помогла цыганке подняться на ноги, закинув ее руку себе на плечо.

- Я опустила ступеньки, - сказала я ей. - Помогу вам добраться до кровати.

Как-то я умудрилась довести ее до передней части фургона, подталкивая и затаскивая, и, положив ее руки на нужные опоры, я наконец сумела устроить ее. Во время этих манипуляций она, казалось, не осознавала, ни где находится, ни кто я. Но, оказавшись в кровати, она вроде немного ожила.

- Я пойду за врачом, - сказала я. Поскольку на празднике я оставила «Глэдис» у задней стены приходского зала, мне придется позже сходить за ней пешком из Букшоу.

– Нет, не надо, – сказала она, решительно хватая меня за руку. – Сделай мне чашку чаю и иди. Мне просто надо хорошенько поспать.

Должно быть, она увидела скептическое выражение моего лица.

– Давай лекарство, – сказала она. – Попробую его. Ложку в чай.

Сначала – главное, подумала я, найдя среди беспорядочно расставленного столового серебра подходящую плошку и наливая в нее патокообразный сироп от кашля.

– Открой ротик, птичка, – произнесла я с улыбкой. Это формула, которую миссис Мюллет использовала, чтобы заставить меня глотать эти противные тоники и масла, которые отец требовал, чтобы давали его дочерям. Уставившись мне в глаза (это мое воображение или ее взгляд чуть-чуть потеплел?), цыганка послушно открыла рот и позволила мне влить полную до краев ложку.

– Глотай, глотай, улетай, – сказала я, произнося заключительные слова стишка и обращая внимание на прелестную маленькую плитку. Ненавижу признаваться в собственном невежестве, но я понятия не имела, как ее зажечь. С тем же успехом можно было попросить меня разогреть паровой котел времен королевы Елизаветы.

– Не здесь, – сказала цыганка, заметив мое замешательство. – Снаружи. Разведи костер.

Спустившись по ступенькам, я остановилась, чтобы окинуть быстрым взглядом окрестности.

Кусты бузины, как я уже говорила, росли повсюду. Я потянула за пару веток, пытаюсь оторвать их, но это была нелегкая задача.

Слишком полные жизни, подумала я, слишком упругие. Позанимавшись чем-то вроде перетягивания каната, только после энергичного прыгания на парочке нижних веток я сумела разжиться несколькими.

Через пять минут я набрала достаточно хвороста и веток, чтобы развести приличный костер посреди опушки.

Полная надежды, бормоча молитву девочек-скаутов («Гори, черт тебя дери!»), я зажгла одну из спичек, найденных в шкафчике в фургоне. Как только пламя коснулось хвороста, оно зашипело и погасло. То же самое и со второй спичкой.

Поскольку я не славлюсь терпением, я позволила себе слегка выругаться.

Если бы мы были дома в химической лаборатории, я бы могла поступить как цивилизованная личность и воспользоваться бунзеновской горелкой, чтобы вскипятить воду для чая, вместо того чтобы ползать на коленях с охапкой дурацких зеленых веток.

Правда, перед тем, как я довольно неожиданно покинула организацию девочек-скаутов, я научилась разжигать походные костры, но поклялась, что никогда больше не окажусь в ситуации, когда надо добыть огонь с помощью спички и шнура от туфли или двух сухих палок, которые надо тереть друг о друга.

Как упоминалось, у меня были все ингредиенты для пылающего костра – все, кроме одного.

Там, где есть керосиновые лампы, поблизости должен быть керосин. Я опустила прикрепленную крючками боковую панель фургона, и там, к моей радости, был галлон с этой штукой. Я открыла крышку банки, плеснула чуть-чуть на ожидающие дрова, и не успели бы вы сказать «Баден-Пауэлл», как чайник весело кипел.

Я была горда собой. Правда.

«Флавия изобретательная, – думала я, – Флавия – разносторонняя умница».

И тому подобное.

Я забралась по крутым ступенькам фургона с чаем в руках, балансируя на носках, словно канатоходец.

Подала чашку цыганке и наблюдала, как она глотает дымящуюся жидкость.

- Ты шустрая, - заметила она.

Я скромно пожала плечами. Нет необходимости говорить ей о керосине.

- Ты нашла сухие щепки в ящике? - спросила она.

- Нет, - сказала я, - я...

Ее глаза расширились от ужаса, и она вытянула руку с чашкой.

- Только не кусты! Ты не трогала кусты бузины?

- Что ж, да, - честно сказала я. - Это было совсем не сложно, я...

Чашка выскользнула из ее рук, и обжигающий чай брызнул во всех направлениях. Она спрыгнула с кровати с поразительной прытью и забилась в угол.

- Хильда Мюир! - Она завела жуткий отчаянный плач, усиливавшийся и ослабевавший, словно воздушная сирена. - Хильда Мюир! - Она указывала на дверь. Я оглянулась, но там никого не было.

- Уходи от меня! Убирайся! Убирайся! - Ее рука дрожала, словно мертвый лист.

Я стояла ошеломленная. Что я сделала?

- О Боже! Хильда Мюир! Мы все мертвы! - застонала она. - Теперь мы все мертвы!

В юго-западном крыле располагается будуар Харриет, тихий заповедник, который сохраняется точно в таком виде, как в тот ужасный день десять лет назад, когда новость о ее трагической гибели достигла Букшоу. Несмотря на итальянское кружево на окнах, внутри комната представляет собой удивительно стерильное помещение, как в Британском музее, когда команда безмолвных, одетых в серое уборщиков приходит в ночи вымести все признаки жизни вроде паутины или пыли.

Хотя мне кажется это маловероятным, мои сестры считают, что это отец хранит святилище Харриет. Однажды, прячась под лестницей, я подслушала, как Фели рассказывает Даффи: «Он делает уборку ночью во искупление своих грехов».

«Кровавые пятна и всякое такое», – драматически прошептала Даффи.

Я слишком сгорала от любопытства, чтобы уснуть, и поэтому долго лежала в постели с открытыми глазами и думала, что же она имела в виду.

В юго-восточном крыле дома верхние окна моей химической лаборатории отражают медленно плывущие облака. Они дрейфуют по темному стеклу, словно жирные овцы на голубом лугу, не давая ни малейшего намека внешнему миру на то, какой дворец наслаждений таится внутри.

Я радостно взглянула на окна, обвив себя руками и думая о сверкающих колбах и ретортах, готовых доставить мне удовольствие. Снисходительный отец моего двоюродного дедушки Тарквина де Люса построил эту лабораторию для своего сына во время правления королевы Виктории. Дядюшку Тара выгнали из Оксфорда в разгар какого-то скандала, не уточнялось, какого именно – по крайней мере в моем присутствии, – и именно здесь, в Букшоу, он начал свою славную, хоть и отшельническую карьеру химика.

После смерти дяди Тара лаборатория осталась наедине со своими секретами, запертая и позабытая людьми, которых больше интересовали налоги и канализация, чем стеклянные сосуды затейливой формы.

Пока не пришла я и, так сказать, не предъявила на нее права.

Я наморщила нос, с удовольствием вспоминая, как это произошло.

Приблизившись к кухонной двери, я возгордилась тем, что сообразила использовать наименее заметный вход. Помня о Даффи и Фели, которые вечно строят козни и заговоры против меня, осторожность не может быть чрезмерной. Но возбуждение от праздника и доставки фургона цыганки в Изгороди заставило меня забыть об обеде. Прямо сейчас даже ломтик вызывающего бурление в животе пирога с кабачками миссис Мюллет, вероятно, пришелся бы кстати, если выпить стакан ледяного молока, чтобы заморозить вкусовые рецепторы. В это время дня миссис Мюллет должна уже уйти домой, и кухня будет предоставлена мне.

Я открыла дверь и вошла внутрь.

– Попалась! – проскрежетал голос мне на ухо, и все вокруг потемнело, когда мне на голову натянули мешок.

Я сопротивлялась, но безуспешно. Мои руки и ладони оказались бесполезны, когда отверстие мешка туго завязали вокруг бедер.

Не успела я закричать, как нападавшие – которых было двое, я была вполне уверена, судя по количеству ладоней, схвативших мои конечности, – перевернули меня вверх тормашками. Теперь я стояла на голове, и кто-то держал меня за щиколотки.

Я задыхалась, мои легкие наполнились острым земляным запахом картошки, хранившейся в мешке. Кровь прилила к голове.

Проклятье! Мне следовало раньше сообразить, что надо пинаться. Теперь уже слишком поздно.

– Шуми сколько хочешь, – прошипел второй голос. – Никто тебя не спасет.

С отчаянием я поняла, что это правда. Отец уехал на день в Лондон на филателистический аукцион, и Доггер отправился с ним, чтобы купить секаторы и крем для обуви.

Мысль о грабителях в Букшоу была неправдоподобна.

Оставались Даффи и Фели.

Странное ощущение, но я пожалела, что это не грабители.

Я припомнила, что в целом доме только одна дверная ручка, которая скрипит: на двери, ведущей на лестницу в подвал.

Она скрипнула.

Через миг, словно подстреленного оленя, меня взгромоздили на плечи моих пленителей и поволокли вперед головой в подвал.

Внизу меня грубо повалили на плитки, и я ударилась локтем, мой крик боли отразился эхом от сводчатых потолков, и следом послышалось чье-то тяжелое дыхание.

Чьи-то туфли шаркнули по камню недалеко от того места, где я лежала.

– Молю о молчании! – прокаркал замогильный голос, прозвучавший искусственно, будто исходил от жестяного робота.

Я издала еще один вопль и, боюсь, могла даже не сдержать всхлип.

– Молю о молчании!

То ли от неожиданного шока, то ли от липкого холода подвала, я не уверена, но я начала дрожать. Примут ли они это за проявление слабости? Говорят, что некоторые маленькие животные инстинктивно притворяются мертвыми в случае опасности, и я осознала, что я такая же.

Я делала неглубокие вдохи и старалась не шевелить ни единой мышцей.

– Освободи ее, Гарбакс!

– Да, о Трехглазая!

Иногда мои сестры развлекались, внезапно примеряя роли неких эксцентричных созданий, еще более эксцентричных, чем они были в повседневной жизни. Они обе знали, что это развлечение почему-то особенно меня расстраивает.

Я уже узнала, что сестринские отношения, словно Лох-Несс, таят в себе нечто необъяснимое, но полагаю, что только сейчас я осознала, что из всех невидимых связей, объединивших нас троих, темные – наиболее сильные.

– Прекрати, Даффи! Прекрати, Фели! – закричала я. – Вы меня пугаете!

Я несколько раз убедительно по-лягушечьи дернула ногами, как будто была на грани припадка.

Мешок неожиданно сдернули, перевернув меня лицом вниз, на камни.

Единственная свеча, стоящая на деревянном бочонке, прерывисто мерцала, ее бледный свет отбрасывал темные тени, танцующие среди каменных арок подвала.

Когда мои глаза приспособились ко мраку, я увидела лица сестер, гротескно светившиеся в тенях. Они нарисовали черные круги вокруг глаз и ртов горелой пробкой, и я сразу же поняла послание, которое они должны были передать: «Берегись! Ты в руках дикарей!»

Теперь я видела, откуда взялся искаженный голос робота, который я слышала: Фели говорила в отверстие пустой банки из-под какао.

– Французский черный янтарь – просто стекло, – плюнула она, швырнув банку на пол. – В точности твои слова. Что ты сделала с маминой брошью?

– Это была случайность, – неуверенно заныла я.

Ледяное молчание Фели придало мне немного уверенности.

– Я уронила ее и наступила. Если бы это был настоящий янтарь, он бы не раскололся.

– Дай ее сюда.

– Не могу, Фели. Ничего не осталось, кроме мелких осколков. Я растворила их на окалину.

На самом деле я расколотила эту штуку молотком и превратила в черный песок.

– Окалину? Зачем тебе окалина?

Было бы ошибкой рассказывать ей, что я работаю над новым видом керамической колбы, которая сможет выносить температуры, производимые сверхнасыщенной кислородом бунзеновской горелкой.

– Ни зачем, – ответила я. – Я просто дурачилась.

– Довольно странно, но я тебе верю, – сказала Фели. – Это то, что вам, подменышам эльфов, удастся лучше всего, не так ли? Дурачиться.

Должно быть, замешательство на моем лице было очевидным.

– Подменыши, – продолжила Даффи потусторонним голосом. – Эльфы приходят ночью и похищают здорового ребенка из колыбельки. Взамен оставляют уродливого сморщенного подменыша вроде тебя, и мать впадает в отчаяние.

– Если не веришь, – добавила Фели, – посмотри в зеркало.

– Я не подменыш, – возразила я, начиная сердиться. – Харриет любила меня больше, чем вас двоих, идиотки!

– Правда? – презрительно усмехнулась Фели. – Тогда почему она оставляла тебя спать у открытого окна каждую ночь, в надежде, что эльфы принесут обратно настоящую Флавию?

– Она этого не делала! – крикнула я.

– Боюсь, что делала. Я там была. Видела. Помню.

- Нет! Это неправда!

- Да, правда. Я, бывало, цеплялась за нее и плакала: «Мама! Мама! Пожалуйста, заставь эльфов вернуть мою крошку-сестру!»

- Флавия? Дафна? Офелия?

Отец!

Его голос, громкий, как у сержанта на плацу, донесся со стороны кухонной лестницы, усиленный каменными стенами и эхом от арки к арке.

Наши три головы повернулись вбок как раз вовремя, чтобы лицезреть, как сначала появляются его ботинки, потом брюки, потом верхняя часть тела и, наконец, лицо, по мере того как он спускается по лестнице.

- Что все это значит? - спросил он, окидывая нас взглядом в полумраке. - Что вы с собой сделали?

Тыльными сторонами ладоней и предплечьями Фели и Даффи уже пытались стереть черные отметины с лиц.

- Мы просто играли в «Креветки и треножник», - нашлась Даффи, пока я не успела ответить. И обвиняюще указала на меня. - Она устраивает нам хорошенькую взбучку, когда ее очередь играть бегуму[12 - Бегума - знатная дама в Индии.], но, когда очередь наша, она...

Хорошая работа, Дафф, подумала я. Я бы и сама не смогла сочинить лучшее объяснение в спешке.

- Я удивлен тобой, Офелия, - произнес отец. - Я бы не подумал...

И тут он умолк, не в состоянии подобрать нужные слова. Временами казалось, будто он... Как это сказать? Боится мою старшую сестру.

Фели терла лицо, жутко размазывая жженую пробку. Я чуть громко не рассмеялась, но вовремя поняла, что она творит. В попытке вызвать

сочувствие она растерла краску так, что получились темные театральные круги под глазами.

Мегера! Как актриса, гримирующаяся прямо на сцене, смелое, нахальное представление, которым я не могла не восхищаться.

Отец заворожено смотрел. Как человек, зачарованный коброй.

- Ты в порядке, Флавия? - спросил он, все еще стоя на третьей ступеньке снизу.

- Да, отец, - ответила я.

Я чуть было не добавила «Спасибо, что спросил», но вовремя остановилась, боясь перестараться.

Отец молча окинул печальным взглядом каждую из нас по очереди, как будто в мире не осталось подходящих слов.

- В семь часов будет совещание, - наконец сказал он. - В гостиной.

Бросив последний взгляд на нас, он развернулся и медленно побрел по лестнице вверх.

- Дело в том, - говорил отец, - что вы, девочки, просто не понимаете...

И он был прав: мы не больше понимали его мир, чем он наш.

Его мир был миром конфетти: ярко раскрашенная вселенная королевских профилей и живописных видов на липких клочках бумаги; мир пирамид и линкоров, шатких висячих мостов в отдаленных уголках земного шара, глубоких гаваней, одиноких сторожевых башен и изображений голов знаменитых людей. Проще говоря, отец был коллекционером марок, или филателистом, как он предпочитал себя именовать и чтобы его именовали другие.

Каждый миг своего бодрствования он тратил на то, чтобы всматриваться в клочки бумаги через увеличительное стекло в вечном поиске дефектов. Открытие единственной микроскопической трещинки на эстампе, из-за чего на подбородке королевы Виктории мог появиться нежеланный волосок, приводило его в восторг.

Сначала будет официальное фотографирование и экстаз. Он принесет из кладовки и установит в кабинете треногу, древний пластиночный фотоаппарат с особенным приспособлением, именуемым макроскопической линзой, позволяющей ему снимать крупный план образца. В результате после проявки получалось изображение, достаточно большое, чтобы занять целую книжную страницу. Иногда, пока он радостно проделывал эти манипуляции, мы, бывало, улавливали напевы из «“Пинафора” ее величества» или «Гондольеров»[13 - «“Пинафор” ее величества» и «Гондольеры» – комические оперы известного английского дуэта-композитора А. Салливана и либреттиста У. С. Гилберта, впервые поставленные в 1878 и 1889 годах, обе имели оглушительный успех.], дрейфующие по дому, словно беженцы.

Затем наступал черед письма, которое он отсылал в журнал «Лондонский филателист» или аналогичные места, и вместе с ним приходил черед кое-каких чудачеств. Каждое утро отец начинал приносить к столу кучи писчей бумаги, которые усердно исписывал, страницу за страницей, бисерным почерком.

Неделями он бывал недоступен и оставался таковым до того момента, пока не дописывал последнее слово на тему «лишних усов» королевы.

Однажды, когда мы валялись на южной лужайке, глядя в голубой свод идеального летнего неба, я сказала Фели, что отцовские поиски несовершенств не ограничиваются марками, а временами распространяются на его дочерей.

«Захлопни свой грязный рот!» – отрезала она.

– Дело в том, – повторил отец, возвращая меня к настоящему, – что вы, девочки, не понимаете серьезность ситуации.

Главным образом он имел в виду меня.

Фели, конечно же, донесла на меня, история о том, что я растворила одну из жутких викторианских брошей Харриет, журчала из ее уст так же радостно, как гомон ручья.

– Ты не имела права брать ее из гардеробной твоей матери, – произнес отец, и на миг его холодные голубые глаза устремились на мою сестру.

– Прости, – ответила Фели. – Я хотела надеть ее в церковь в воскресенье, чтобы произвести впечатление на Дитера. Это неправильно с моей стороны. Мне следовало бы попросить разрешения.

«Неправильно с моей стороны»? Я услышала то, что услышала, или у меня слуховые галлюцинации? Скорее солнце и луна пустятся в веселую джигу в небесах, чем одна из моих сестер извинится. Просто неслыханно.

Дитер, о котором упомянула Фели, – это Дитер Шранц с фермы «Голубятня», бывший немецкий военнопленный, решивший остаться в Англии после прекращения военных действий. Фели имела на него виды.

– Да, – сказал отец. – Тебе следовало бы.

Когда он снова обратил внимание на меня, я не могла не заметить, что складки во внешних уголках его глаз – складки, которые, как я часто думала, придают ему аристократичность, – были еще тяжелее, чем обычно, делая его печальным.

– Флавия, – произнес он усталым, невыразительным голосом, ранившим меня сильнее, чем острое оружие.

– Да, сэр?

– Что с тобой делать?

– Извини, отец. Я не хотела разбивать брошь. Я уронила ее и случайно наступила, и она просто раскололась. Боже, должно быть, она была очень старая, раз оказалась такой хрупкой!

Он почти незаметно вздрогнул, и за этим последовал один из тех взглядов, которые подразумевают, что я коснулась темы, закрытой для обсуждения. С долгим вздохом он посмотрел в окно. Что-то в моих словах заставило его сознание улететь куда-то в холмы.

– Хорошо ли ты съездил в Лондон? – отважилась я. – Имею в виду на филателистическую выставку?

Слово «филателистическая» быстро вернуло его к реальности.

– Надеюсь, ты нашел несколько приличных марок для своей коллекции?

Он издал еще один вздох, на этот раз напоминающий предсмертный хрип.

– Я ездил в Лондон не покупать марки, Флавия. Я ездил продавать.

Даже у Фели перехватило дыхание.

– Наши дни в Букшоу, возможно, подходят к концу, – сказал отец. – Как вы хорошо знаете, дом принадлежал вашей матери, и когда она умерла, не оставив завещания...

Он развел руки в жесте беспомощности, напомнив мне наколотую на булавку бабочку.

Из него так внезапно вышел воздух, что я едва могла в это поверить.

– Я надеялся отвезти ее брошь к кому-нибудь, кого я знаю...

Несколько минут его слова не могли до конца дойти до меня.

Я знала, что в последние годы содержание Букшоу стало довольно разорительным, не говоря уже о нависшем налоге на наследство и прочих налогах. Годами отец умудрялся отчаянно защищаться от «рычащих налоговых инспекторов», как он их именовал, но теперь волки, должно быть, снова были у порога.

Время от времени были намеки на наше затруднительное положение, но угроза всегда казалась нереальной, не более чем далекое облачко на летнем горизонте.

Я вспомнила, что одно время отец возлагал надежды на тетушку Фелисити, свою сестру, живущую в Хэмпстеде. Даффи предположила, что многие из его так называемых «филателистических поездок» были на самом деле визитами к тетушке с целью выпросить у нее денег взаймы – или умолить ее раскошелиться на остатки фамильных драгоценностей.

В итоге его сестра, должно быть, дала от ворот поворот. Совсем недавно мы собственными ушами слышали, как она говорила ему, чтобы он подумал о продаже своей филателистической коллекции. «Этих нелепых почтовых марок», как она назвала их, если быть точной.

– Что-нибудь подвернется, – жизнерадостно заметила Даффи. – Так всегда бывает.

– Только у Диккенса, Дафна, – сказал отец. – Только у Диккенса.

Даффи перечитывала «Дэвида Копперфилда» в энный раз. «Зубрю информацию о ломбардах», – ответила она, когда я спросила ее зачем.

Только теперь до меня дошло, что отец намеревался отвезти брошь Харриет – ту, что я уничтожила, – в ломбард.

– Можно мне выйти? – спросила я. – Мне вдруг стало нехорошо.

Это была правда. Я, должно быть, уснула, как только моя голова коснулась подушки.

Теперь, несколько часов спустя, я проснулась. Стрелки будильника, которые я аккуратно покрасила фосфоресцирующей краской собственного изобретения, показывали начало третьего.

Я лежала в постели, наблюдая, как темные тени деревьев без устали изгибаются на потолке. С того времени, как территориальный спор между двумя моими

далекими предками закончился горьким безвыходным тупиком – и черной линией, проведенной посередине вестибюля, – это крыло дома оставалось неотапливаемым. Время и погода собрали свою дань, из-за чего обои почти в каждой комнате – в моей они были горчично-желтые, с алыми червяками – отставали большими участками, а на потолке обои болтались огромными неряшливыми гирляндами, о содержимом которых, вероятно, лучше не думать.

Временами, особенно зимой, я любила притворяться, что живу под айсбергом в Северном Ледовитом океане, что холод – это не более чем сон и что, когда я проснусь, в покрытом ржавчиной камине будет гореть яркий огонь и горячий пар будет подниматься из оловянной ванны, стоящей в углу комнаты.

Разумеется, этого никогда не происходило, но на самом деле мне не на что жаловаться. Я спала здесь по собственному выбору, а не из необходимости. Здесь, в восточном крыле – так называемом «крыле Тара», – в химической лаборатории, – я могла работать в свое удовольствие сколько угодно. Поскольку окна выходили на юг и восток, свет, горящий в них, не виден никому снаружи – никому, за исключением разве что лис и барсуков, населявших остров и развалины Причуды посреди декоративного озера, или, может быть, случайных браконьеров, их следы и использованные гильзы я иногда находила, блуждая по Изгородам.

Изгороди! Чуть не забыла!

Нападение Фели и Даффи в дверях кухни, последовавший затем плен в подвале, позор перед отцом и, наконец, усталость – все это заставило меня начисто выбросить цыганку из головы.

Я соскочила с кровати, несколько удивившись тому, что полностью одета. Ничего себе, как я устала!

С туфлями в руках я прокралась по большой витой лестнице в вестибюль, где остановилась посреди бескрайней глади из черно-белой плитки и прислушалась. Наблюдателю с верхних галерей я, должно быть, показалась бы пешкой в какой-нибудь великой готической шахматной партии.

Пешкой? Фи, Флавия! Признай, наверняка ты нечто большее, чем пешка!

В доме царила абсолютная тишина. Отец и Фели, я знала, спят и видят сны: отец – о перфорированных клочках бумаги, а Фели – о замке, построенном исключительно из зеркал, в которых она без конца разглядывает свои отражения во всех мыслимых ракурсах.

Хотя наверху, в дальнем конце западного крыла, Даффи может еще не спать, таращась в свете свечи, как она любит, на гравюры Гюстава Доре в «Гаргантюа и Пантагрюэле». Я обнаружила этот пухлый томик в обложке из телячьей кожи под ее матрасом, когда обыскивала ее комнату в поисках упаковки жевательной резинки, которую Фели подарил американский военный. Она наткнулась на него однажды утром, когда шла в деревню отправить письмо. Его звали Карл, и он был из Сент-Луиса в Америке. Он сказал ей, что она вылитая Элизабет Тейлор в «Национальном бархате». Фели, конечно же, пришла домой гордая и спрятала резинку, как она всегда поступает с подобными подношениями, в бельевом ящике, откуда Даффи ее утащила. А теперь была моя очередь.

Неделями после этого было слышно: «Карл то», «Карл сё», Фели без конца щебетала о мутной Миссисипи, ее длине, изгибах и поворотах и как правильно написать название реки, не выставив себя дурочкой. У нас появилось отчетливое ощущение, что именно Фели лично задумала и создала эту великую реку, а Бог беспомощно стоял на подхвате, немногим более чем помощник водопроводчика.

Я улыбнулась при мысли об этом.

И вдруг я услышала это – металлический щелчок.

Пару ударов сердца я стояла совершенно неподвижно, пытаюсь определить, с какого направления он донесся.

Из гостиной, подумала я и тут же начала красться на цыпочках в том направлении. Босиком я могла двигаться абсолютно бесшумно, прислушиваясь к малейшим звукам. Хотя временами я проклинала болезненно острый слух, который унаследовала от Харриет, это был не тот случай.

Когда я черепашьим шагом ползла по коридору, в щели под дверь гостиной внезапно появился свет. Кто может быть там в это время суток? Кто бы это ни был, определенно это не де Люс.

Надо ли мне позвать на помощь или самой поймать незваного гостя?

Я взялась за дверную ручку, повернула ее как можно медленнее и открыла дверь – рискованный поступок, полагаю, но, в конце концов, разве я не у себя дома? Нет смысла позволять Даффи или Фели приписать себе заслугу в поимке взломщика.

Привыкшие к темноте, мои глаза были несколько ослеплены светом старой керосиновой лампы, которую держали на случай отключения электричества, так что сначала я никого не увидела. На самом деле мне потребовалась секунда, чтобы понять, что кто-то – незнакомец в резиновых сапогах – согнулся у камина, касаясь рукой медной подставки для дров, отлитой в форме шпага.

Белки его глаз сверкнули, когда он взглянул вверх в зеркало и увидел, что я стою за его спиной в дверном проеме.

Он вскочил на ноги и быстро обернулся. Я заметила на нем молескиновое пальто и алый шарф.

– Ну надо же, девчонка! У меня из-за тебя чуть сердечный приступ не случился!

Это был Бруки Хейрвуд.

4

Мужчина был пьян. Я сразу же это заметила. Даже с того места, где я стояла, я почувствовала запах алкоголя – и еще сильный рыбный запах, который сопровождает человека, носящего рыбную корзину так же горделиво, как другой может носить килт и спорран[14 - Спорран – кожаная сумка мехом наружу с кисточками, часть национального костюма шотландского горца.].

Я тихо прикрыла дверь за своей спиной.

– Что вы здесь делаете? – требовательно спросила я, принимая наисуровейший вид.

На самом деле я думала, что Букшоу в предрассветные часы, в сущности, становится вокзалом Паддингтон. Не прошло и пары месяцев с тех пор, как я стала свидетельницей горячей ночной ссоры Горация Бонепенни и отца. Что ж, Бонепенни теперь в могиле, но на его место пришел другой незванный гость.

Бруки поднял кепку и потянул себя за прядь волос, спадающих на лоб, – древний знак подчинения сильнейшему. Если бы он был собакой, это все равно что распластаться на земле брюхом кверху.

– Отвечайте, пожалуйста, – сказала я. – Что вы здесь делаете?

Он повозился немного с ивовой корзиной на бедре, перед тем как ответить.

– Вы поймали меня на горячем, мисс, – сказал он, стреляя в меня обезоруживающей улыбкой. К своему вящему раздражению, я заметила, что у него идеальные зубы.

– Но я не хотел никому навредить. Признаюсь, я пришел в усадьбу в надежде разжиться кроликом-другим. Ничто не может быть лучше для слабой груди, чем горшок со славным тушеным кроликом, не так ли?

Он стукнул себя кулаком в грудь и выдавил кашель, который не обманул меня ни на миг, поскольку я и сама его часто имитирую. Браконьерские речи тоже не ввели меня в заблуждение. Если, как утверждала миссис Мюллет, мать Бруки – светская художница, он, вероятно, учился в Итоне или в аналогичном месте. Голос с надрывом должен был вызвать сочувствие к нему. Тоже старый фокус. Я сама его использовала и поэтому терпеть его не могла.

– Полковник не охотник, – продолжал он, – и это знает весь мир. Так что какой вред в том, чтобы прочесать это место на предмет вредителей, которые лишь объедают ваш сад и выкапывают ямы в кустарнике? Какой вред, а?

Я обратила внимание, что он повторяется, – почти верный признак того, что лжет. Я не знала, как ответить на его вопрос, так что продолжала молчать, скрестив руки.

– Но потом я заметил свет в доме, – говорил он. – «Эй! – сказал я себе. – Что это, Бруки? Кто может быть на ногах в эту несусветную рань? – так я сказал. – Может, кто-то болен?» Я знаю, что полковник не водит машину, видишь ли, и тогда я подумал: «Что, если кому-то понадобится сбегать в деревню за доктором?»»

В его словах была правда. Старый «роллс-ройс» Харриет – «Фантом II» – хранился в каретном сарае, словно некая личная часовня, место, куда уходили отец и я – хотя никогда одновременно, конечно же, – когда мы хотели сбежать от того, что отец называл «тяготами повседневной жизни».

Он имел в виду, само собой, Даффи и Фели – и временами меня.

Хотя отцу ужасно не хватало Харриет, он никогда о ней не говорил. Его горе было настолько глубоким, что имя Харриет было поставлено на первое место в черном списке Букшоу – списке вещей, о которых никогда нельзя упоминать, если тебе дорога жизнь.

Сознаюсь, что слова Бруки сбили меня с толку. Не успела я сформулировать ответ, как он продолжил:

– Но потом я подумал: «Нет, это не просто так. Если в Букшоу кто-то болен, горело бы больше огней. Был бы свет на кухне – кто-то грел бы воду, кто-то сутился...»

– Мы могли бы позвонить по телефону, – возразила я, инстинктивно сопротивляясь попытке Бруки сплести свою паутину.

Но он говорил дело. Отец презирал телефон и позволял им пользоваться только в крайних случаях. В полтретьего утра было бы быстрее съездить на велосипеде – или даже сбегать – в Бишоп-Лейси, чем будить мисс Рансиман на телефонном узле и просить ее дозвониться спящему доктору Дарби.

К тому времени, как эта нудная игра в «кнопка-кнопка-кто нажал на кнопку» будет закончена, мы все можем умереть.

Как будто это он был владельцем, а я непрошеным гостем, Бруки широко расставил ноги в резиновых сапогах и сцепил руки за спиной, заняв положение перед камином, посередине между двумя медными шпагами, принадлежавшими деду Харриет. Он не опирался локтем на каминную полку, но с него бы случилось.

Не успела я сказать и слова, как он бросил быстрый нервный взгляд направо и налево и понизил голос до хриплого шепота:

– «Но погоди, Бруки, старик, – подумал я. – Пстой, Бруки, дружище. А вдруг это знаменитая Серая леди из Букшоу?» В конце концов, мисс, все знают, что временами здесь виден свет, природу которого нельзя легко объяснить.

Серая леди из Букшоу? Никогда не слышала о таком привидении. Эти деревенские жители суеверны до смехотворности! Или он делает из меня идиотку?

– Или фамильный призрак не упоминается в приличном обществе?

Фамильный призрак? У меня внезапно возникло ощущение, будто на мое сердце опрокинули ведро ледяной воды.

Может, Серая леди из Букшоу – это призрак моей матери Харриет?

Бруки рассмеялся.

– Глупо, не так ли? – И продолжил: – Какие еще призраки, нет уж, спасибо! Скорее всего, это домушник, положивший глаз на серебро полковника. В наше время таких много, с тех пор как война закончилась.

– Думаю, вам лучше уйти, – сказала я дрожащим голосом. – Отец спит очень чутко. Если он проснется и обнаружит вас здесь, нет сомнений, что он сделает. Он спит с боевым оружием на ночном столике.

– Что ж, тогда я пойду, – беспечно ответил Бруки. – Рад, что в вашей семье все в порядке. Мы очень о вас беспокоимся, все мы в деревне. Трудно сказать, что может случиться, когда вы так далеко, отрезанные...

– Спасибо, – произнесла я. – Мы очень благодарны, разумеется. А теперь, если не возражаете...

Я открыла перед ним французскую дверь.

– Спокойной ночи, мисс, – сказал он и с ухмылкой исчез в темноте.

Я медленно сосчитала до десяти – и последовала за ним.

Бруки нигде не было видно. Тени поглотили его целиком. Несколько секунд я прислушивалась, стоя на террасе, однако ночь была сверхъестественно тихой.

Над головой звезды мерцали, словно миллион крошечных лампочек, и я узнала созвездие Плеяды, Семь Сестер, названное так в честь девушек в греческой мифологии, которые так опечалились из-за участи своего отца – он был знаменитым Атласом, которого приговорили держать на плечах небесный свод, – что совершили самоубийство.

Я вспомнила о дождливом дне, который провела в оранжерее с Доггером, помогая ему отрывать глазки у небольшой горы картофеля и слушая историю, которую передавали из уст в уста тысячи лет.

«Какая глупость! – сказала я. – Зачем они убили себя?»

«Греки – народ, склонный к драматизму, – ответил Доггер. – Они придумали драму».

«Откуда ты все это знаешь?»

«Сведения плавают у меня в голове, – сказал он, – словно дельфины». И затем он погрузился в привычное молчание.

Где-то на той стороне лужайки ухнула сова, вернув меня из прошлого в настоящее. До меня дошло, что я до сих пор держу туфли в руках. Какой дурочкой, должно быть, я показалась Бруки Хейрвуду!

За моей спиной, если не считать керосиновую лампу, до сих пор горевшую в гостиной, Букшоу был погружен во мрак. Слишком рано для завтрака и слишком поздно, чтобы возвращаться в кровать.

Я зашла обратно в дом, обула туфли и прикрутила фитиль лампы. Цыганка, должно быть, уже отдохнула и справилась со страхом. Если мне повезет, я смогу заполучить приглашение на цыганский завтрак на открытом огне. Если мне повезет еще больше, я, может, даже узнаю, кто такая Хильда Мюир и почему мы все мертвы.

Я помедлила на краю Изгородей, ожидая, пока глаза приспособятся к глубокому мраку между деревьями.

Лесистая опушка в темноте – зловещее место, подумала я, место, где может случиться что угодно.

Эльфы... Хильда Мюир... Серая леди из Букшоу...

Я мысленно встряхнула себя. «Прекрати, Флавия!» – сказал внутренний голос, и я последовала его совету.

Фургон оставался на том же месте, я видела ступеньки и кусочек Млечного Пути, отраженный в занавешенном окне. Звук чавканья в темноте сказал мне, что Грай пасется поблизости.

Я медленно приблизилась к фургону.

– При-вет! – пропела я осторожно, с учетом недавнего расположения духа цыганки. – Это я, Флавия. Тук-тук. Кто-нибудь дома?

Ответа не было. Я подождала секунду, затем обошла вокруг фургона. Когда я прикоснулась к его деревянному боку, чтобы успокоиться, моя рука намочла от холодной росы.

– Есть кто-нибудь? Это я, Флавия. – Я легко постучала костяшками пальцев.

В заднем окне был слабый свет – такой свет, какой бывает, когда лампы приглушают на ночь.

Внезапно что-то мокрое, ужасное и слюнявое коснулось моей щеки. Я отпрыгнула, размахивая руками.

– Ой! – вскрикнула я.

Послышался хруст, и горячее дыхание, за которым последовал сладковатый запах влажной травы, обдало мой затылок.

Затем Грай ткнулся носом мне в ухо.

– Подкрадываешься, Грай! – сказала я, оборачиваясь. – Подкрадываешься!

Я прикоснулась к его теплой морде в темноте и обнаружила, что это странным образом успокаивает, намного сильнее, чем я могла бы предположить. Я прислонилась лбом к его боку, и несколько секунд, пока мое сердце утихомиривалось, мы так стояли, общаясь способом, намного более древним, чем слова.

Если бы ты только умел разговаривать, подумала я. Если бы только умел.

– При-вет! – снова окликнула я, последний раз похлопав Грая по морде и поворачиваясь к фургону. Но ответа так и не было.

Фургон слегка покачнулся на рессорах, когда я встала на оглобли и полезла вверх на место кучера. Резная ручка двери похолодила ладонь, когда я повернула ее. Дверь распахнулась – она не была заперта.

– Ау?!

Я вошла и потянулась к керосиновой лампе, слабо светившейся над плитой. Повернула фитиль, и стекло засияло жутким липким красным блеском.

Кровь! Повсюду была кровь! Плита и занавески были забрызганы кровью. Абажур тоже был в крови – и мои руки теперь тоже.

Что-то капнуло с потолка мне на лицо. Я дернулась с отвращением – и, возможно, с долей испуга.

И затем я увидела цыганку – она лежала у моих ног: черный ворох тряпок, совершенно неподвижно скорчившийся в луже крови. Я чуть не наступила на нее.

Я встала на колени рядом с ней и взяла ее запястье большим и указательным пальцами. Может ли это шевеление быть пульсом?

Если да, мне нужна помощь, и быстро. Промедление не доведет до добра.

Я уже собиралась выйти, когда что-то остановило меня. Я понюхала воздух, острый от металлического запаха крови.

Кровь, да, но не только кровь. Что-то, не соответствующее месту. Я снова принюхалась. Что бы это могло быть?

Рыба! Фургон вонял кровью и рыбой.

Цыганка ловила и готовила рыбу в мое отсутствие? Вряд ли, нет никаких признаков огня и рыболовных принадлежностей. Кроме того, подумала я, она была слишком слабая и уставшая, чтобы заниматься этим. И в фургоне определенно не было запаха рыбы, когда я уходила отсюда.

Я вышла наружу, закрыла за собой дверь и спрыгнула на землю.

Бежать назад в Букшоу за помощью смысла нет. Слишком долго. Пока я смогу разбудить кого надо и вызвать доктора Дарби, цыганка может умереть – если еще не умерла.

– Грай! – окликнула я, и старый конь, волоча ноги, подошел ко мне.

Без дальнейших размышлений я вскочила ему на спину, обвила руками шею и ласково толкнула его пятками в ребра. Через несколько секунд мы пробежали рысью через мост, затем повернули на север, в Канавы.

Несмотря на темноту, Грай шел уверенно, как будто знал эту изборожденную тропу. Сидя верхом, я быстро наловчилась сохранять равновесие на его костлявой спине, пригибаясь, когда ветки нависали слишком низко, и жалея, что я не оказалась настолько дальновидной, чтобы захватить свитер. Я забыла, какими холодными бывают ночи в конце лета.

Мы бежали и бежали, конь цыганки превзошел самого себя. Возможно, предвкушал сытную еду в конце пути.

Вскоре мы минуем полуразрушенное обиталище Буллов, и я знала, что мы не останемся незамеченными. Даже в разгар дня путешественники на этой узкой тропе были редкими. Посреди ночи непривычный цокот копыт наверняка услышит кто-то из полубезумной Булловой семейки.

Да, вот оно, прямо перед нами по правой стороне. Я ощущала носом. Даже в темноте я видела серую пелену дыма, висящую над этим местом. Там и сям во дворе тлели кучи мусора, сиявшие в ночи, словно красные глаза. Несмотря на столь поздний час, в окнах дома горел свет.

Не стоит просить о помощи здесь. Миссис Булл не церемонилась, демонстрируя ненависть к цыганам.

Захватив в горсть густую гриву Грая, я ласково потянула. Как будто его с рождения обучали этим примитивным способам управления, старый конь замедлил ход. При этом одно из его копыт стукнуло по камню на дороге.

- Шшш! - прошептала я ему на ухо. - На цыпочках!

Я знала, что мы должны продолжать двигаться. Цыганка отчаянно нуждается в помощи, и дом Буллов - не то место, где ее можно получить.

Хлопнула дверь, когда кто-то вышел во двор.

Грай немедленно остановился и отказался двигаться дальше. Я хотела прошептать ему на ухо, чтобы он продолжал идти, что он хороший конь, замечательный конь, но я едва осмеливалась дышать. А Грай стоял на тропинке так же неподвижно, как если бы он был чистокровным пойнтером. Может ли

конь цыганки быть хитрее, чем я? За годы странствий по неприветливым дорогам он усвоил больше уловок, чем я за свою жизнь?

Я взяла на заметку подумать об этом, когда мы окажемся вне опасности.

Судя по звукам, человек во дворе копался в куче старых горшков, что-то бормоча себе под нос, когда они переставали грохотать. Свет из дома, я знала, погружает меня в еще большую темноту. Хотя лучше стать кем-то менее заметным, чем всадник на лошади.

Я подождала, когда горшки снова загремят, и бесшумно соскользнула на землю. Прикрываясь Граем как щитом, я пригнулась, чтобы мое белое лицо не было заметно в темноте.

Когда вы в затруднительном положении, время замедляется и еле ползет. Я не удержалась и начала гадать, сколько времени мы стоим, застыв на одном месте; вероятно, несколько минут. Я неловко переносила вес с одной ноги на другую и дрожала в темноте, в то время как Грай, старичок, по-видимому уснул. Он не шевелил ни единой мышцей.

И тут шум резко прекратился.

Неужели человек во дворе заметил наше присутствие? Вдруг кто-то лежит и выжидает, готовый к прыжку?

Время утекало из рук. Я не могла пошевелиться. Сердце бешено колотилось в груди. Казалось невозможным, чтобы кто бы там ни был во дворе Буллов не услышал нас.

Должно быть, они просто затаились... прислушиваются, как и я.

Внезапно моих ноздрей достиг резкий запах горячей спички: узнаваемая едкая вонь фосфора, вступающего в реакцию с хлоратом калия. Следом я уловила запах зажженной сигареты.

Я улыбнулась. Миссис Булл отдыхала от своих дурно воспитанных детей.

Но недолго. Дверь хлопнула, и темная фигура засуетилась за занавешенным окном.

Я сразу же двинулась по тропинке, сначала медленно, потом все быстрее. Грай тихо шел рядом со мной. Когда мы достигли деревьев в дальнем конце владений, я забралась ему на спину и начала подгонять.

– Кабинет доктора Дарби, – сказала я ему. – Мигом!

Как будто он понял.

Кабинет доктора располагался на центральной улице прямо за углом после Коровьего переулка. Я приподняла дверной молоток – медную змею на палке – и громко постучала. Почти сразу же, или мне так показалось, окно наверху распахнулось с резким деревянным треском, и появилась голова доктора Дарби с взъерошенными со сна седыми тонкими волосами.

– Колокольчик, – сварливо сказал он. – Пожалуйста, пользуйтесь колокольчиком.

Я символически нажала на кнопку большим пальцем, и где-то в глубине дома приглушенно зазвонило.

– Это цыганка! – крикнула я ему наверх. – Та, что с праздника. Кажется, кто-то пытался ее убить.

Окно захлопнулось.

Прошло не больше минуты, потом входная дверь открылась, и доктор Дарби вышел на улицу, на ходу надевая пиджак.

– Моя машина сзади, – сказал он. – Пойдем.

– Но как насчет Грая? – спросила я, указывая на старого коня, спокойно стоявшего на улице.

– Отведи его за угол в конюшню, – сказал он. – Эскулап будет рад его обществу.

Эскулап был дряхлой клячей, возившей легкий экипаж доктора Дарби до того, как десять лет назад доктор наконец уступил давлению пациентов и купил усталый старый «моррис» с бычьей мордой – открытый двухместный автомобиль, который Даффи именовала «Крушением “Гесперуса”».

Я обняла шею Грая, когда он вошел в стойло с еле слышным вздохом.

– Быстро, – сказал доктор Дарби, бросая чемоданчик назад, за сиденья.

Через несколько секунд мы свернули с центральной улицы в Канаву.

– Изгороди, говоришь?

Я кивнула, держась изо всех сил. Один раз мне показалось, что доктор Дарби украдкой бросил взгляд на мои окровавленные руки, но что бы он ни подумал, он оставил это при себе.

Мы неслись по узкой тропинке, передние фары «морриса» освещали зеленый туннель из деревьев и изгородей. Мы пролетели мимо владений Буллов так быстро, что я едва успела это заметить, хотя мой мозг сумел зарегистрировать факт, что дом теперь был погружен в полную темноту.

Когда мы летели по каменному мостику, «моррис» чуть не оторвался от земли. Наконец доктор Дарби резко затормозил. Мы были в нескольких дюймах от фургона цыганки. Его знание дорог Бишоп-Лейси и окрестностей впечатляло.

– Оставайся тут, – рявкнул он. – Если мне понадобится твоя помощь, я позову.

Он распахнул водительскую дверь, быстро обошел фургон и скрылся.

Оставшись одна в темноте, я невольно вздрогнула.

Если быть абсолютно честной, в животе у меня слегка крутило. Я не обращаю внимание на смерть, но раны заставляют меня нервничать. Все зависит от того, что доктор Дарби найдет в фургоне.

Я беспокойно ерзала в «моррисе». Интересно, цыганка мертва? Мысль об этом повергала в ужас.

Смерть и я не были старыми друзьями, нас связывало поверхностное знакомство. Два раза в жизни я сталкивалась с трупами, и каждый дал мне...

– Флавия! – Доктор был в дверях фургона. – Принеси отвертку. Она в багажнике, в коробке с инструментами.

Отвертку? Какую отвертку?

Опять меня отвлекли от размышлений.

– Быстро. Неси ее сюда.

В другой раз я бы могла заартачиться в ответ на такую наглость, когда мне приказывают, словно лакею, но я прикусила язык. На самом деле я даже почти простила.

Пока доктор Дарби ослаблял шурупы на дверных петлях, я не могла не думать, насколько у него сильные руки для такого пожилого мужчины. Если бы он не использовал их для спасения людей, мог бы стать чудесным плотником.

– Открути последние винты, – сказал он. – Я придерживу дверь. Вот так... умница.

Даже не зная, что мы делаем, я была его послушной рабыней.

Пока мы трудились, я бросала взгляды на цыганку и внутренности фургона. Доктор Дарби переложил ее с пола на кровать, где она лежала без движения с забинтованной головой. Я не могла определить, жива она или мертва, а спросить было неловко.

Наконец дверь высвободилась из проема, и доктор Дарби поднял ее перед собой, словно щит. В моем мозгу промелькнул образ крестоносца.

- Легче, кладем ее сюда.

Он осторожно опустил тяжелую дверь на пол фургона, где она заняла все место между плитой и мягкими креслами, не оставив ни дюйма. Затем, взяв две подушки с кровати, он положил их вдоль двери, закутал цыганку в простыню и как можно бережнее переложил ее с койки на импровизированные носилки.

Я снова поразились, сколько силы заключено в его компактном теле. Женщина, должно быть, весит почти столько же, сколько и он.

- Теперь быстро, - сказал он. - Мы должны отвезти ее в больницу.

Ага! Цыганка жива. Планы смерти нарушены, по крайней мере на этот раз.

Сняв вторую простыню с кровати, доктор Дарби порвал ее на длинные полоски, ловко просунул их под дверь и привязал цыганку, после чего закрепил концы серией умелых узлов.

Он уложил ее ногами к дверному проему, и теперь я наблюдала, как он аккуратно выбирается из фургона и соскакивает на землю.

Я услышала, как заводится «моррис». Мотор зарычал, и через несколько секунд я увидела, как доктор сдает задом к фургону.

Он снова забрался внутрь.

- Возьми за этот конец, - сказал он, указывая на ноги цыганки. - Он легче.

Он пролез мимо меня, взялся за конец двери у нее под головой и начал двигать его к выходу.

- На правое сиденье, - сказал он. - Вот так... осторожно.

Я внезапно поняла, что он пытается сделать, и, когда доктор Дарби приподнял изголовье, я направила ноги в пространство между пассажирским сиденьем и приборной панелью.

С удивительной легкостью наша задача была выполнена.

С цыганкой, жестко зафиксированной в машине, маленький «моррис» напоминал деревянный пароплан, а сама цыганка выглядела словно мумия, привязанная к борту.

Не самое удачное сравнение, но сойдет.

– Тебе придется остаться здесь, – сказал доктор Дарби, втискиваясь за руль. – Здесь нет места для троих, в этом старичке. Побудь здесь и ничего не трогай. Я пришлю полицию, как только смогу.

Что он имел в виду, конечно же, так это то, что я была в меньшей физической опасности, оставаясь на месте, чем рискуя наткнуться на напавшего на цыганку, пока буду идти одна в Букшоу.

Я без энтузиазма продемонстрировала доктору поднятые большие пальцы. Больше проявление чувств будет неуместным.

Он выжал сцепление, и машина со своим жутковатым грузом медленно тронулась по опушке. Когда она проезжала по горбтому мостику, я в последний раз взглянула на цыганку, ее лицо было мертвенно-бледным в свете луны.

5

Теперь я была действительно одна.

Или нет?

Не шевелился ни единый листик. Что-то булькнуло в воде поблизости, и я затаила дыхание. Может, выдра? Или кое-что похуже?

Может, напавший на цыганку до сих пор в Изгородях? До сих пор прячется... следит... откуда-то между деревьев?

Глупая мысль, и я сразу это поняла. Я довольно рано в жизни узнала, что ничто разум не любит больше, чем нервировать себя странными историями, как будто наши извилины – не более чем отряд маленьких пухленьких девочек-скаутов, собравшихся над походным костром в темноте черепа.

Тем не менее я слегка вздрогнула, когда луна скользнула за облако. Было довольно прохладно, когда я первый раз пришла сюда с цыганкой, холодно, когда я ехала верхом на Грае в деревню за доктором Дарби, а теперь я адски замерзла.

Свет в фургоне приветственно горел теплым оранжевым пятном на фоне синего мрака. Если бы из каминной трубы поднимались клубы дыма, пейзаж был бы как на отрывных гравюрах, которые печатают в еженедельных журналах и которые можно повесить в рамку, например, «Цыганская луна».

Это доктор Дарби оставил лампу включенной. Надо ли мне забраться внутрь и потушить ее?

Туманные мысли насчет экономии керосина промелькнули у меня в голове, и еще более туманные мысли о том, что надо быть хорошим гражданином.

Святые на лыжах! Я ищу предлог, чтобы залезть в фургон и хорошенько рассмотреть сцену преступления. Почему не признать это?

«Ни к чему не прикасайся», – сказал доктор Дарби. Что ж, я не стану. Я буду держать руки в карманах.

Кроме того, мои следы уже есть повсюду на полу. Какой вред причинят еще несколько отпечатков? Сможет ли полиция отличить кровавые следы, оставленные с разницей менее часа? Посмотрим.

Забираясь на подножку, я поняла, что должна пошевеливаться. Доехав до больницы в Хинли, доктор Дарби вскоре позвонит в полицию – или проинструктирует кого-то позвонить туда.

Нет ни секунды лишней.

Быстрый осмотр показал, что цыганка живет скромной жизнью. Насколько я обнаружила, нет ни личных бумаг, ни документов, ни писем, ни книг – даже Библии. Я видела, как она перекрестилась, и мне показалось странным, что в ее доме на колесах нет ни единого экземпляра Священного Писания.

В корзине рядом с плитой находился запас грязных овощей, по виду которых можно было предположить, что их скорее торопливо насобирали на поле какого-нибудь фермера, чем купили отмытыми на деревенском рынке: картофель, свекла, репа, лук – все вперемешку.

Я сунула руку в корзину и покопалась на дне. Ничего, кроме покрытых землей овощей.

Я не знаю, что ищу, но пойму, если найду. Если бы я была цыганкой, подумала я, дно овощной корзины запросто могла бы использовать как тайник.

Теперь мои руки были перемазаны не только высохшей кровью, но и землей. Я вытерла их грязным полотенцем, висевшим на ближайшем гвозде, но сразу же увидела, что этого недостаточно. Я повернулась к оловянной раковине, взяла с полки кувшин, разрисованный розами с шипами, и по очереди полила водой свои грязные руки. Частицы земли и свернувшейся крови быстро превратились в красную грязь.

Мурашки побежали по моему телу, и меня пробрала дрожь. Красные кровяные клетки, вспомнила я из своих химических экспериментов, – на самом деле не более чем супчик из воды, соды, калия, хлорида и фосфора. Соедините эти вещества в нужных пропорциях, и они образуют вязкое жидкое желе: желе с загадочными свойствами, содержащее в своих алых переплетениях не только благородство, но и предательство.

Я снова вытерла руки полотенцем и собралась было высыпать содержимое корзины на траву перед фургоном, как меня осенило: не будь идиоткой, Флавия!

Ты оставляешь хвост улики, такой же очевидный, как рекламное объявление на щите!

Инспектор Хьюитт будет в ярости. И у меня нет никаких сомнений, что это он – в четыре утра или нет – ответит на телефонный звонок доктора.

Если его спросят, доктор Дарби наверняка вспомнит, что я не смывала и не вытирала кровь с рук в его присутствии. И, разве что меня выдадут улики, я едва ли смогу сознаться, что не послушалась его приказа не входить в фургон после его отъезда.

Словно канатоходец, я, покачиваясь, сошла с оглоблей фургона, держа корзину перед собой на вытянутых руках, словно подношение.

Я дошла до реки, опустила корзину и расшнуровала ботинки. Порча еще одной пары обуви сведет отца с ума.

Босиком я забрела в воду, морщась от внезапного холода. Ближе к середине, где вялое течение становилось чуть сильнее, – самое безопасное место для того, чтобы опустошить корзину: если сделать это ближе, могут остаться предательские следы на травянистом берегу, и первый раз в жизни я вознесла благодарность за удобство короткой юбки.

По колено в проточной воде, я опустила корзину и позволила течению смыть предательские следы. Когда окровавленное содержимое соединилось с рекой и уплыло бог знает куда, я с облегчением вздохнула. Улики – по крайней мере их часть – теперь за пределами досягаемости инспектора Хьюитта и его людей.

Выбираясь на берег, я налетела на подводный камень и ушибла палец на ноге. Я чуть не упала лицом в воду и удержалась только благодаря неуклюжему размахиванию руками. Корзина тоже сыграла роль противовеса, и я, запыхавшись, но не упав, добралась до берега.

Но постойте! Полотенце! Отпечатки моих грязных окровавленных рук по всему полотенцу!

Я рванулась обратно к фургону. Как я и полагала, на полотенце была пара замечательно четких отпечатков ладоней Флавии. Поразительное везение.

Еще один поход к реке; еще один заход в холодную воду, где я терла и полоскала полотенце несколько раз, корча гримасы, когда на удивление яростно выжимала его. Только когда вода, стекавшая обратно в речку, стала идеально чистой в лунном свете, я вернулась на берег.

Вернув полотенце в целостности и сохранности обратно на гвоздь, я начала нормально дышать. Даже если полиция сделает анализ хлопковых нитей, они не найдут ничего необычного. Я удовлетворенно фыркнула.

Посмотрите на меня. Вот она я, веду себя как преступница. Наверняка полиция никогда не заподозрит меня в нападении на цыганку. Или заподозрит?

В конце концов, разве не меня последнюю видели в ее обществе? Наш отъезд с праздника так же бросался в глаза, как цирковой парад. И потом эта стычка в Канаве с миссис Булл, которая, как я подозревала, будет только счастлива сфабриковать улики против члена семьи де Люс.

Что там она сказала? «Ты из этих девиц де Люс из Букшоу. – В моих ушах до сих пор звучал ее грубый голос. – Я везде узнаю их холодные голубые глаза».

Резкие слова, однако. Какую обиду она могла затаить на нас?

Мои мысли прервал отдаленный звук – шум автомобиля, ударяющегося брюхом о каменную дорогу. За этим последовал механический скрежет, как будто понижали передачу.

Полиция!

Я соскочила на землю и побежала к мосту. Было достаточно времени – но впритык, – чтобы принять позу преданного высматривания. Я залезла на каменный парапет и устроилась так, будто позировала для статуи Венди из «Питера Пэна»: приняла важный вид, слегка подалась вперед, якобы в ожидании, прижала ладони к камню для опоры, обеспокоенно нахмурила брови. Надеюсь, я выгляжу не слишком подобострастно.

Как раз вовремя. Передние фары машины уже вспыхивали между деревьев слева от меня, и через несколько секунд синий «воксхолл» резко затормозил у моста.

Оказавшись в луче яркого света, я повернула лицо в их сторону, при этом подняв руку, чтобы прикрыть глаза от пронзительных безжалостных фар.

Я не могла не думать, как это выглядит со стороны инспектора.

Повисла нервирующая пауза, очень похожая на те, которые бывают после того, как выключают освещение зрительного зала, а оркестр еще не заиграл первые ноты увертюры.

Тяжело хлопнула дверь, и инспектор Хьюитт медленно вышел на свет фар.

– Флавия де Люс, – произнес он невыразительным сухим голосом: слишком невыразительным, чтобы можно было определить, он просто удивлен или недоволен, обнаружив, что я жду его на месте преступления.

– Доброе утро, инспектор, – сказала я. – Очень рада вас видеть.

Я отчасти надеялась, что он скажет что-нибудь приятное в ответ, но нет. Недавно я помогла ему в одном запутанном расследовании. По правилам ему следует пузыриться благодарностью, и где она?

Инспектор остановился на самой середине горбатого мостика.

– Ты оставила свои следы, – заметил он.

Я посмотрела туда же, куда он, и таки да: в низком свете фар «воксхолла», хотя следы доктора Дарби и колес его машины немного поблекли, каждый мой шаг отпечатался четко на мокрой серебристой траве опушки, ведя прямо к дверям фургона.

– Мне надо было сходить по нужде, – сказала я. Классическая женская отговорка, и ни один мужчина никогда не подвергал ее сомнению.

– Ясно, – произнес инспектор и оставил эту тему.

Позже я быстро сбегаю пописать за фургон на всякий случай. Никто ничего не поймет.

Повисло молчание, мы оба ждали, полагаю, что скажет другой. Это словно игра: кто первый заговорит, тот дурак.

Им оказался инспектор Хьюитт.

– У тебя мурашки, – сказал он, внимательно глядя на меня. – Лучше иди сядь в машину.

Он уже перешел мостик, когда обернулся:

– В багажнике есть одеяло, – сказал он и скрылся в тени.

Я начала сердиться. Вот этот человек – человек в обычном деловом костюме, даже без значка полицейского – прогоняет меня с места преступления, которое я начала считать своим собственным. В конце концов, разве не я первая обнаружила это?

Марию Кюри тоже прогоняли после открытия полония? Или радия? Кто-то говорил ей: иди побегай?

Это просто нечестно.

Сцена преступления, конечно же, не сравнится с открытием расщепления атома, но инспектор мог бы по крайней мере сказать спасибо. В конце концов, разве нападение на цыганку произошло не на территории Букшоу, моего фамильного дома? Разве ее жизнь спасена не благодаря моей верховой экспедиции в ночи?

Наверняка я заслужила хотя бы кивок. Но нет...

– Иди садись в машину, – повторил инспектор Хьюитт, и тут, когда я с сосущим чувством обиды осознала, что закону неведомо значение слова «благодарность», мои пальцы медленно сжались в кулаки.

Хотя он был на месте всего ничего, я знала, что между нами все кончено. Если этот человек хочет сотрудничества с Флавией де Люс, ему придется чертовски потрудиться.

6

Вот наглец!

Я решила ничего ему не рассказывать.

На опушке, по ту сторону горбатого мостика, я видела, как его тень медленно двигается за занавешенным окном фургона. Я представляла, как он осторожно ступает между кровавыми пятнами на полу.

К моему удивлению, свет погас, и через несколько секунд инспектор подошел к мосту.

Он, кажется, удивился, увидев меня на том же месте, где оставил. Не говоря ни слова, он подошел к багажнику, достал шотландский плед и обернул его вокруг моих плеч.

Я сбросила ткань и протянула обратно ему. К моему удивлению, мои руки дрожали.

– Мне не холодно, спасибо, – ледяным голосом сказала я.

– Может, и не холодно, – сказал он, снова закутывая меня в плед, – но у тебя шок.

Шок? У меня никогда раньше не было шока. Это что-то новенькое.

Держа меня одной рукой за плечо и второй – за предплечье, инспектор Хьюитт подвел меня к машине и открыл дверь. Я упала на сиденье как камень и внезапно затряслась как лист.

– Лучше отвезти тебя домой, – сказал он, забираясь на водительское сиденье и включая зажигание. Когда поток горячего воздуха из печки окутал меня, я, кажется, удивилась, как он мог согреться так быстро. Наверное, это особая модель, изготавливаемая исключительно для полиции... что-то, специально сделанное, чтобы вводить в ступор. Может быть...

И я ничего больше не помнила, пока мы не затормозили перед главным входом в Букшоу. Я не могла припомнить, как меня везли по Канаве, затем вдоль центральной улицы, мимо Святого Танкреда. Но мы здесь, значит, мы проехали все это.

Доггер, как ни странно, был в дверях – как будто провел на ногах всю ночь. С преждевременно поседевшими волосами, освещенными сзади огнями из вестибюля, он казался мне суровым святым Петром у жемчужных врат[15 - Жемчужные врата – это врата рая.], приветствующим меня.

– Я бы могла дойти пешком, – сказала я инспектору. – Здесь не больше полумили.

– Конечно, могла, – ответил инспектор Хьюитт. – Но эта поездка – за счет его величества.

Он меня дразнит? Дважды за последнее время инспектор подвозил меня домой и в каждом случае давал понять, что, когда дело касается расхода бензина, казна короля не бездонная.

– Вы уверены? – спросила я, странно одурманенная.

– Прямо из его личного кошелька для мелочи.

Как будто во сне, я обнаружила, что тяжело тащусь вверх по ступенькам к входной двери. Когда я добралась до верха, Доггер засуетился, поправляя плед вокруг моих плеч.

– Идите в кровать, мисс Флавия. Я сейчас приду с горячим питьем.

Утомленно поднимаясь по витой лестнице, я услышала, как Доггер и инспектор обменялись парой слов, но не смогла ничего расслышать.

Наверху, в восточном крыле, я вошла в спальню и, даже не сняв шотландский плед его величества, упала лицом вниз на постель.

Я рассматривала чашку с какао на прикроватном столике.

Когда я сосредоточила взгляд на густой коричневой пенке, образовавшейся на поверхности, словно лед на грязном пруду, во рту появился неприятный привкус, и желудок перевернулся. Не так много вещей на свете я терпеть не могу, но пенка на молоке – главнейшая из них. Ненавижу ее страстно.

Даже мысль о чудесном химическом изменении, формирующем эту гадость, – молочные белки вспениваются и разрываются на части жаром от кипячения и снова собираются по мере остывания в желеобразную пенку – недостаточна для того, чтобы меня утешить.

Конечно, сейчас какао остыло, как вода в канаве. По различным сложным причинам, тянущимся в прошлое моей семьи, восточное крыло Букшоу, как я говорила, не отапливается, но я вряд ли могу жаловаться. Я заняла эту часть дома по выбору, а не по необходимости. Доггер, должно быть...

Доггер!

Вмиг все события минувшего дня ворвались в мое сознание, словно неуправляемый удар грома, и, словно те яростные острые вспышки молнии, которые, как говорят, ударяют с земли в небо, так и мысли пришли в странно обратном порядке: сначала инспектор Хьюитт и доктор Дарби, Канавы и потом кровь – кровь! Мои сестры Даффи и Фели, цыганка и Грай, ее конь и, наконец, церковный праздник – все это громоздилось одно на другое рваными, но тем не менее остро режущими подробностями.

Меня ударила молния? Вот почему я чувствую себя такой странно наэлектризованной, словно расческа, натертая папиросной бумагой?

Нет, дело не в этом – но что-то в моем мозгу уклонялось само от себя.

О, ладно, я перевернусь и продолжу спать.

Но не получилось. На утреннее солнце, лившееся в окно, было больно смотреть, и глаза пекло, будто в них насыпали ведро песка.

Возможно, ванна взбодрит меня. Я улыбнулась при мысли об этом. Даффи остолбенела бы, если бы узнала, что я принимаю ванну без угроз. «Грязнуля Флавия» – так она меня называла, по крайней мере когда отца не было поблизости.

Сама Даффи больше всего любила лежать в дымящейся ванне с книжкой, оставаясь там, пока вода не остывала.

Я не разделяла ее энтузиазма.

Легкий стук в дверь прервал мои размышления. Я плотно закуталась в шотландский плед и, как пингвин, пошлепала по комнате.

Это был Доггер со свежей чашкой дымящегося какао в руке.

– Доброе утро, мисс Флавия, – сказал он. Он не спросил, как я себя чувствую, но тем не менее я ощущала его испытующий взгляд.

– Доброе утро, – ответила я. – Пожалуйста, поставь на столик. Прости за ту чашку, что ты принес ночью. Я слишком устала, чтобы ее выпить.

Кивнув, Доггер поменял чашки.

– Полковник желает видеть вас в гостиной, – сказал он. – С ним инспектор Хьюитт.

Проклятье и двойное проклятье! Я не успела ничего обдумать. Что я собираюсь рассказать инспектору и о чем умолчать?

Не говоря уже об отце! Что он скажет, когда услышит, что его младшая дочь отсутствовала дома всю ночь, шляясь вся в крови цыганки, которую он когда-то выгнал из поместья?

Доггер, должно быть, почувствовал мою неловкость.

– Полагаю, инспектор зашел узнать о вашем здоровье, мисс. Я скажу им, что вы сейчас спуститесь.

Искупавшись и нарядившись в полосатое платье, я медленно сошла по лестнице. Фели повернулась от зеркала в фойе, в котором изучала свое лицо.

– Ну теперь ты получишь, – сказала она.

– Отвали, – любезно ответила я.

– Половина полицейских Хинли у тебя на хвосте, и у тебя все равно есть время хамить сестре. Надеюсь, ты не ожидаешь, что я буду навещать тебя, когда тебя посадят за решетку.

Я проплыла мимо нее со всем достоинством, которое смогла изобразить, пытаюсь собраться с мыслями. В дверях гостиной я остановилась, чтобы быстренько помолиться: «Благослови меня Господь и сохрани меня, и пусть его лик воссияет надо мной; пусть он наполнит меня великой привлекательностью и молниеносной сообразительностью».

Я открыла дверь.

Инспектор Хьюитт поднялся на ноги. Он сидел в мягком кресле, где Даффи обычно сидела, свесив ноги набок, с книгой. Отец стоял перед камином, затемненная сторона его лица отражалась в зеркале.

– А, Флавия, – сказал он. – Инспектор как раз рассказывал мне, что жизнь женщины была спасена благодаря твоей расторопности. Хорошая работа.

Хорошая работа? Хорошая работа?

Это что, мой отец говорит? Или кто-то из старых богов просто использует его как чревовещатель куклу, чтобы передать мне персональную благодарность с горы Олимп?

Но нет, отец – весьма маловероятный посланец. Ни разу за одиннадцать лет я не могла припомнить, чтобы он меня хвалил, и, когда сейчас он это сделал, я понятия не имела, как реагировать.

Инспектор спас меня от неудобной ситуации.

– Хорошая работа, и правда, – сказал он. – Мне сказали, что, несмотря на жестокость нападения, она отделалась лишь трещиной в черепе. В ее возрасте, разумеется...

Отец перебил его:

– Доктор Дарби звонил, чтобы передать благодарность, Флавия, но Доггер сказал, что ты спишь. Я сам принял сообщение.

Отец по телефону? Я не верила своим ушам! Отец позволил «инструменту», как он называл телефон, находиться в доме, недвусмысленно обозначив, что он должен использоваться только в самых крайних случаях, например, если наступит конец света.

Но доктор Дарби был другом отца. В надлежащее время, я знала, доктору прочитают суровую лекцию по поводу нарушения домашнего регламента, но он переживет, чтобы потом рассказать об этом.

– Тем не менее, – продолжил отец, слегка нахмурившись, – тебе следует объяснить, почему ты бродила по Изгородям посреди ночи.

– Та бедная цыганка, – сказала я, меняя тему. – Ее палатка сгорела во время праздника. Ей некуда было идти.

Говоря, я наблюдала за лицом отца в поисках признаков каких-то чувств. Разве не он, в конце концов, выгнал Джонни Фаа с земель Букшоу? Он забыл об этом происшествии? Он почти наверняка не осознавал, что его поступок привел

к смерти мужа цыганки посреди дороги, и я не собиралась об этом рассказывать.

– Я вспомнила проповедь vicария, ту, что о христианском милосердии...

– Да-да, Флавия, – сказал отец. – Весьма похвально.

– Я сказала ей, что она может остановиться в Изгородях, но только на одну ночь. Я знала, ты...

– Спасибо, Флавия, вполне достаточно.

– ...одобришь.

Бедный отец: его обошли с флангов и поймали в западню. Мне почти было жалко его.

Он согнул палец и по очереди разгладил подстриженные усы, сначала правый ус, потом левый – разновидность сдержанного нервного прихорашивания, которую, вероятно, практикуют военные с незапамятных времен. Готова поспорить, что если бы у Юлия Цезаря были усы, он бы разглаживал их точно так же.

– Инспектор Хьюитт хочет переговорить с тобой. Поскольку пойдет конфиденциальный разговор о людях, с которыми я не знаком, я оставлю вас наедине.

Кивнув инспектору, отец вышел из комнаты. Я услышала, как дверь его кабинета открылась и затем закрылась. Он нашел убежище среди почтовых марок.

– Итак, – приступил инспектор, открывая записную книжку и снимая колпачок с ручки «Биро». – С самого начала.

– Я не могла уснуть, видите ли, – начала я.

– Не с этого начала, – сказал инспектор Хьюитт, не поднимая глаз. – Расскажи мне о церковном празднике.

– Я пошла в палатку цыганки, чтобы она предсказала мне будущее.

– И она предсказала?

– Нет, – соврала я.

Последнее на земле, чем я хотела бы поделиться с инспектором, так это женщина на горе – женщина, которая хочет вернуться домой с холода. Также я не собиралась рассказывать ему о женщине, которой я стану.

– Я опрокинула ее свечку и не успела ничего понять, как я... я...

К моему превеликому удивлению, моя нижняя губа задрожала при воспоминании.

– Да, мы слышали об этом. Викарий смог предоставить нам подробный отчет, и доктор Дарби тоже.

Я сглотнула, думая, доложил ли ему кто-нибудь о том, как я пряталась за киоском, пока палатка цыганки не сгорела дотла.

– Бедняжка, – ласково сказал он. – Тебе изрядно досталось, не так ли?

Я кивнула.

– Если бы я только знал, через что ты уже прошла, я бы отвез тебя прямо в больницу.

– Все в порядке, – сказала я храбро. – Я буду в порядке.

– Правда? – переспросил инспектор.

И внезапно из меня полилось все: от праздника до Изгородей, включая кипятившуюся миссис Булл; от откровенно сфабрикованного рассказа о пробуждении посреди ночи и беспокойстве о здоровье цыганки до того, как я обнаружила ее в луже крови на полу фургона, я не упустила ни единой

подробности.

За исключением Бруки Хейрвуда, конечно же.

Я приберегла его для себя.

Это был великолепный спектакль, если можно так сказать. Как мне пришлось узнать еще в нежном возрасте, нет лучшего способа замаскировать ложь, чем завернуть ее в эмоциональный поток правды.

Все это время «Биро» инспектора Хьюитта порхало над страницами, покрывая каждый сантиметр бумаги записями. Должно быть, он изучал какую-то из систем стенографии, лениво думала я, пока он писал свои каракули. Позже он приведет эти записи в более развернутый, аккуратный и разборчивый вид.

Возможно, он надиктует их своей жене Антигоне. Я познакомилась с ней незадолго до кукольного спектакля в приходском зале. Помнит ли она меня?

Мысленно я увидела, как она сидит перед печатной машинкой за кухонным столом в коттедже, обставленном с большим вкусом, выпрямившись, с идеальной осанкой, ее пальцы выжидательно зависли над кнопками. На ней серьги-кольца и шелковая блузка устрично-серого цвета.

«Флавия де Люс? – скажет она, глядя большими темными глазами на мужа. – Это ведь та очаровательная девочка, которую я видела в Святом Танкреде, дорогой?»

В уголках глаз инспектора Хьюитта появятся морщинки.

«Та самая, любовь моя, – ответит он, покачивая головой при воспоминании обо мне. – Та самая».

Мы добрались до конца моих показаний, до того, как инспектор сам приехал на место происшествия в Изгороди.

– Пока достаточно, – сказал он, захлопывая блокнот и убирая его во внутренний карман пиджака. – Я попросил сержанта Грейвса зайти попозже и взять у тебя

отпечатки пальцев. Простая рутина, конечно же.

Я нахмурила брови, но в глубине души не могла сильнее обрадоваться. Детектив-сержант с ямочками, подмигиваниями и улыбками стал одним из моих любимцев в полицейском участке Хинли.

– Полагаю, они будут повсюду, – услужливо сказала я. – Мои и доктора Дарби.

«И того, кто напал на цыганку», – мог бы добавить он, но не стал. Вместо этого он поднялся и протянул мне ладонь для рукопожатия так официально, как будто мы были на королевском приеме.

– Спасибо, Флавия, – сказал он. – Ты очень помогла мне... Впрочем, как всегда.

Как всегда? Это что, колкость?

Но нет, его рукопожатие было твердым, и он взглянул мне прямо в глаза.

Боюсь, я самодовольно ухмыльнулась.

7

– Доггер! – сказала я. – Полиция придет, чтобы взять у меня отпечатки пальцев.

Доггер оторвался от обширного ассортимента серебряных столовых приборов, которые он полировал на кухонном столе. Секунду его взгляд был непонимающим, и затем он ответил:

– Надеюсь, они вернут вам их в целостности и сохранности.

Я моргнула. Доггер пошутил? Я отчаянно понадеялась, что так оно и есть.

Доггер пережил ужаснейшие лишения на Дальнем Востоке во время войны. Теперь его разум, как иногда казалось, представлял собой безумную мешанину

из поврежденных подвесных мостов, соединяющих прошлое и будущее. Если он и шутил когда-то раньше, я ни разу этого не слышала. Что ж, это может быть единичный случай.

– О! Ха-ха-ха! – Я рассмеялась слишком громко. – Очень хорошо, Доггер. Вернут мне в целости и сохранности... Я должна запомнить, чтобы пересказать миссис Мюллет.

Я вовсе не собиралась делиться этой репликой с нашей кухаркой, но подчас лезть не знает, когда остановиться.

Доггер изобразил слабую улыбку, положив одну вилку на место и взяв другую. Столовое серебро де Люсов хранилось в темном створчатом ящике, и когда его открывали, на свет являлся впечатляющий ассортимент вилок для рыбы, черпаков для пунша, старинных чайных ложек с дырочками[16 - Речь идет о специальной разновидности чайных ложек, производившихся в Англии до 70-х годов XVIII века и служивших для того, чтобы отмеривать необходимое количество заварки для чайника. В те годы чай был очень грубым и плохо отсортированным, поэтому, чтобы избежать попадания в чай пыли и грязи из упаковки, использовали специальную мерную ложку с дырочками (англ. mote spoon, mote – пылинка, соринка).], лопаточек для извлечения костного мозга, ложек с зубчиками для лобстеров, щипцов для сахара, ножниц для винограда и лопаток для пудинга – все разложено ступеньками, словно косяк серебряных лососей, выпрыгнувших на каменную лестницу из ручья цвета виски где-то в Шотландии.

Доггер приволок этот ящик на кухонный стол для ритуальной чистки столового серебра, кажущегося бесконечным процессом, за которым я никогда не уставала наблюдать.

Миссис Мюллет любила рассказывать, как однажды, когда я была маленькой, меня нашли на столе, где я сидела и играла в куклы, которых соорудила, нацепив на семейство серебряных вилок свернутые салфетки. Их одинаковые лица – длинные носы и круглые щеки – были слегка намечены выгравированными буквами «Д» и «Л» на верхушке каждой ручки, и требовалась приличная доля воображения, чтобы отличить их одну от другой.

«Семья Мампетеров» – так я их именovala: мама Мампетер, папа Мампетер и три маленькие дочки, которых я заставляла ходить, танцевать и весело петь на столе, несмотря на наличие у них трех или четырех ног.

Я до сих пор помнила Гриндльстика, трехногого бродягу, которого я сделала из вилки для солений (которую отец именoval трифидом, то есть трехногим), он исполнял невероятные акробатические трюки, пока я не засунула одну из его ног в трещину и не отломала ее.

«Лучше, чем на ипподроме, вот как это было, – говаривала миссис Мюллет, утирая слезы от смеха. – Бедное создание».

Я так и не знаю, она подразумевала Гриндльстика или меня.

Теперь, глядя, как Доггер работает, я подумала, знал ли он о Мампетерах. Скорее всего, знал, потому что миссис Мюллет, когда дело доходило до сплетен, могла сравниться только со «Всемирными новостями».

Я знала, что лучшего времени для добычи информации не будет: миссис М. ушла со своего привычного поста на кухне, а Доггер казался на пике адекватности. Я сделала глубокий вдох и решительно приступила к делу.

– Я наткнулась на Бруки Хейрвуда прошлой ночью в гостиной, – сказала я. – Точнее, это было в два часа утра.

Доггер закончил полировать нож для грейпфрута, затем положил его и идеально выровнял по отношению к его товарищам на ленте зеленого сукна.

– Что он делал? – спросил он.

– Ничего. Просто стоял у камина. Нет, погоди! Он нагнулся и трогал подставку для дров.

Эти железные шпаги, служившие подставкой, принадлежали Харриет, и хотя на них были разные фигурки, и там и там были изображены хитрые лисьи мордочки. Харриет пользовалась ими в качестве главных героев для историй на ночь, которые она сочиняла для Даффи и Фели: факт, который они никогда

не уставали мне припоминать.

Если уж быть совсем честной, я горько негодовала, что моя мать придумала так много историй о воображаемом мире для моих сестер, но не для меня. Она умерла до того, как я стала достаточно большой, чтобы получить свою долю.

- Какую из двух шпаг он трогал? - уточнил Доггер, вставая.

- Лису Салли, - ответила я. - Ту, что справа.

Лиса Салли и Шоппо - это имена, которые Харриет дала хитрой парочке, пускавшейся в веселые приключения в воображаемом мире - мире, утраченном вместе со смертью Харриет. Время от времени Фели и Даффи, пытаюсь оживить теплоту и счастье минувших дней, сочиняли собственные истории о двух хитроумных лисах, но в последние годы почему-то этого не делают. Возможно, они стали слишком взрослыми для волшебных сказок.

Я пошла следом, когда Доггер вышел из кухни в вестибюль и направился в гостиную в западном крыле.

Он на миг остановился, прислушиваясь у дверей, затем растворился между деревянными панелями, словно клубок дыма, как это умеют делать многие старые слуги.

Он подошел прямо к Лисе Салли, разглядывая ее так торжественно, как будто он священник, пришедший провести последний ритуал. Закончив, он передвинулся на несколько футов влево и повторил ту же процедуру с Шоппо.

- Весьма странно, - заметил он.

- Странно?

- Весьма странно. Вот эта, - сказал он, указывая на Лису Салли, - отсутствовала несколько недель.

– Отсутствовала?

– Вчера ее здесь не было. Я не проинформировал полковника, поскольку знал, что он будет беспокоиться. Сначала я подумал, что мог переложить ее куда-то во время одного из моих... моих...

– Приступов задумчивости, – подсказала я.

Доггер кивнул.

– Благодарю, – сказал он.

Доггер страдал от периодических приступов паники, во время которых его сознанием завладевали невидимые силы, швыряя его в неведомую жуткую бездну. В такие времена его память снова переживала былые зверства, он снова оказывался в обществе старых собратьев по оружию, и его любовь к ним возвращала к жизни их беспокойные души.

– Месяц назад то же самое было с Шоппо – он пропал и потом снова появился. Я думал, что мне мерещится.

– Ты уверен, Доггер?

– Да, мисс Флавия, вполне.

Секунду я обдумывала идею, не сказать ли ему, что я брала шпаги, но не смогла заставить себя произнести эту ложь. Что-то в Доггере требовало правды.

– Может, Даффи позаимствовала их для очередного сеанса живописи?

Периодические карандашные наброски Даффи всегда начинались довольно хорошо, но затем часто приобретали неожиданный поворот. У Девы Марии внезапно выросли торчащие зубы, например, или отец на импровизированном эскизе, сидящий за обеденным столом, превращался в человека без глаз. Когда такое случалось, Даффи откладывала рисунок и возвращалась к чтению. Потом мы долго натыкались на выдранные из альбома страницы, засунутые в щели дивана-честерфильда и под подушки кресел в гостиной.

- Может, - сказал Доггер, - а может, и нет.

Я думаю, что именно в этот момент, не осознавая того, я начала догадываться, в чем тут дело.

- Миссис Мюллет сегодня здесь?

Я точно знала, что она здесь, но я не видела ее на кухне.

- Она во дворе, говорит с Симпкинсом, молочником. Что-то насчет деревянной щепки в масле.

Мне придется дождаться, когда Доггер отложит серебро. Потом я смогу приняться за миссис Мюллет.

Я хочу поговорить с ней наедине.

- Этим продавцам на все наплевать, - с отвращением говорила миссис Мюллет, ее руки по локоть были испачканы мукой. - Правда, так и есть. Один раз - муха в свернувшихся сливках, другой раз... Ох, лучше тебе этого не слышать, дорогуша. Но одно ясно как день. Если спустишь им это с рук, неизвестно, что они притащат в следующий раз. Промолчи насчет зубочистки в сегодняшнем масле, и в другой раз найдешь дверную ручку в сыре. Мне это не нравится, дорогуша, но так устроен мир.

Как же, подумала я, мне незаметно перевести беседу с продавцов на Бруки Хейрвуда?

- Может, нам следует есть больше рыбы? - предположила я. - Некоторые рыбаки в деревне продают свежую рыбу. Например, Бруки Хейрвуд.

Миссис Мюллет бросила на меня резкий взгляд.

- Пф! Бруки Хейрвуд? Да он просто браконьер! Я удивлена, что полковник не выставил его из Изгородей. Это вашу рыбу он продает!

- Полагаю, ему надо зарабатывать на жизнь.

- На жизнь? - Она ощетибилась, продолжая вымешивать большую гору теста на хлеб. - Ему надо зарабатывать на жизнь, не больше, чем птичкам небесным. Не тогда, когда эта его мать из Мальден-Фенвика регулярно присылает ему чеки, чтобы он держался от нее подальше. Он бездельник, самый настоящий, вот он кто, и жулик к тому же.

- Эмигрант на пособии? - уточнила я.

Даффи однажды рассказала мне о паршивой овце, сыне наших соседей, Блэчфордов, которые платили ему, чтобы он держался подальше, в Канаде. «Два фунта десять шиллингов за каждую милю в год, - сказала она. - Он живет на островах Королевы Шарлотты, чтобы увеличить свое пособие».

- Мигрант или нет, он плохой человек, и это факт, - сказала миссис Мюллет. - Он связался с нехорошими типами.

- С Колином Праутом? - предположила я, вспомнив, как Бруки страшал мальчика на празднике.

- Колин Праут тут ни при чем, во всяком случае я так слышала. Нет, я говорю о Реджи Петтибоуне и его дружках из лавки на главной улице.

- Антикварной лавки?

Лавка «Антиквариат и качественные товары» Петтибоуна находилась через несколько дверей от «Тринадцати селезней». Хотя я часто ходила мимо, внутри я ни разу не была.

Миссис Мюллет засопела.

- Антиквариат, черт побери! - воскликнула она. - Прости, дорогуша, вот что я скажу. Этот Реджи Петтибоун заплатил нам два фунта шесть шиллингов за стол, который мы купили новым в «Арми энд нейви»[17 - Сеть универмагов, основанная в Лондоне в 1871 году группой офицеров армии и флота. Изначально здесь могли делать покупки только военные и их жены.], когда только

поженились. Через три недели глядь – он стоит в витрине с серебряными ручками за пятьдесят пять гиней! И табличка: «Георгианский стол для виста от Чиппендейла». Мы знали, что это наш, потому что Альф признал выжженную отметину на одной ножке, он ее сделал кочергой, когда пытался выудить уголек, что вывалился из камина и закатился под стол, когда наша Агнес была совсем малюткой.

– И Бруки в деле вместе с Петтибоуном?

– Полагаю, да. Закадычные дружки. Близкие, как половинки щипцов для орехов, эти двое.

– Интересно, что его мать думает об этом?

– Пф! – сказала миссис Мюллет. – Очень оно ей надо. Ей с ее красками и кистями! Она рисует лошадей и гончих, ну знаешь, всякое такое. Неплохо зарабатывает на этом, держу пари. Бруки и его тайные делишки не принесут ей ничего, кроме позора. Как по мне, ей все равно, чем он тут занимается, пока он держится подальше от Мальден-Фенвика.

– Спасибо, миссис Мюллет, – поблагодарила я. – Люблю с вами разговаривать. Вы всегда рассказываете такие интересные вещи.

– Имей в виду, я ничего не говорила, – сказала она приглушенным голосом, подняв палец. – Мои губы запечатаны.

И в некотором странном роде в том, что она сказала, была правда. С тех пор как я вошла на кухню, я ждала, что она спросит меня о цыганке или о том, зачем полиция приезжала в Букшоу, но она так и не спросила. Возможно ли, чтобы она не знала об этих событиях?

Маловероятно. Из болтовни миссис Мюллет с молочником у кухонной двери можно почерпнуть больше секретных сведений, чем из разговора лорда Гав-Гав[18 - Лорд Гав-Гав – прозвище нескольких ведущих на англоязычном пропагандистском радио, транслировавшемся нацистами в Великобритании и США с 1939 по 1945 год.] с Матой Хари.

Я уже пересекла кухню и положила руку на дверь, когда она сказала:

– Не уходи слишком далеко, дорогуша. Этот славный офицер – тот, который с веснушками, – скоро придет взять у тебя отпечатки пальцев.

Черт бы побрал эту женщину! Она что, подслушивает под каждой дверью в Букшоу? Или она настоящая ясновидица?

– О да, – вежливо ответила я. – Спасибо, что напомнили, миссис М. Я почти забыла о нем.

Звонок в дверь раздался неожиданно. Я сделала спринтерский рывок, но Фели меня обскакала.

Я затормозила на шахматной плитке как раз в тот момент, когда она распахнула дверь, за которой оказался детектив-сержант Грейвс с маленьким черным чемоданчиком в руке и челюстью, отвисшей до самого пола.

Должна признать, что Фели никогда не выглядела такой красивой: блузка цвета лосося, шалфейно-зеленый мохеровый джемпер (то и другое, насколько я знала по собственным шпионским вылазкам, она стащила из гардеробной Харриет), идеальные медово-золотистые волосы, сияющие голубые глаза (разумеется, она оставила свои очки в черной оправе, как обычно, под подушками честерфильда).

Она это спланировала, ведьма!

– Сержант Грейвс, я полагаю? – произнесла она низким хриловатым голосом, которого я у нее прежде не слышала. – Входите. Мы вас ждали.

Мы? В какие игры играет эта старая мумия?

– Я сестра Флавии, Офелия, – говорила она, протягивая украшенное кораллами запястье и длинную белую ладонь, на фоне которой пальцы леди из Шалота[19 - «Леди из Шалота» – знаменитая картина художника-пре-рафаэлиты Дж. У. Уотерхауса, посвященная поэме А. Теннисона «Волшебница Шалот».]

показались бы мясными крюками.

Убить бы ее!

Какое право имела Фели вторгнуться, вот так, бесцеремонно, между мной и человеком, пришедшим в Букшоу, исключительно чтобы взять мои отпечатки пальцев? Непростительно!

Тем не менее не следует забывать, что я не раз мечтала, что бодрый маленький сержант женится на моей старшей сестре и они поселятся в увитом цветами домике, куда я смогу заезжать на послеобеденный чай для веселой профессиональной беседы о преступных отравителях.

Сержант Грейвс наконец достаточно собрался с мыслями, чтобы сказать «да» и неуклюже войти в вестибюль.

– Чашку чаю и печенье, сержант? – предложила Фели, умудрившись изобразить такую интонацию, будто бедный гость перетрудился, устал как собака и недоедает.

– Да, меня мучает жажда, должен сказать, – выдавил он с застенчивой улыбкой. – И голод, – добавил он.

Фели отступила, пропуская его в гостиную.

Я пошла следом, словно брошенная гончая.

– Вы можете расположить ваше оборудование вот здесь, – сказала ему Фели, указывая на стол эпохи Регентства, стоявший подле окна. – Как ужасно трудно, должно быть, жизнь полицейского. Оружие, преступники, подбитые гвоздями сапоги.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Дэнни Кей (1913–1987) – американский актер, певец и комик. (Здесь и далее прим. перев.)

2

О, у меня есть славная куча кокосов. // Они стоят рядом, // Большие, маленькие, некоторые размером с голову...

3

5 ноября – в этот день в Англии празднуют провал Порохового заговора, когда католики-заговорщики планировали взорвать парламент.

4

«На санях и лошадях к отверженным сибирским прокаженным» – мемуары английской медсестры Кэт Марсден, которая в 1891 году совершила труднейшее путешествие в Сибирь, где ухаживала за прокаженными.

5

«Мученичество человека» – самый известный труд британского философа и антрополога Уильяма Рида (1838–1875), в котором он излагает историю западной цивилизации.

6

Этель Делл (1881–1939) – английская писательница, автор большого количества низкопробных любовных романов, весьма обожаемых ее неудовлетворенными современницами, но ненавидимых критикой. // Э. Делафильд (1890–1943) – еще одна весьма плодовитая английская писательница, прославившаяся благодаря «Дневнику провинциальной леди». // Уорвик Дипинг (1877–1950) – английский романист и автор коротких рассказов, специализировался преимущественно на исторических любовных романах.

7

Фели, видимо, имела в виду, что Бруки живет за счет матери. Эмигрант на пособии (remittance man) – специальный термин в Англии (теперь устаревший), обозначавший эмигрантов, которые жили на пособие, присылаемое с родины.

8

Порода лошадей-тяжеловозов.

Миссис Мюллет имеет в виду знаменитый детский стишок о матушке Хаббард и ее псе, очень популярный в Англии XIX века.

Флавия смешала тут в кучу коней, людей и бог знает еще кого, то бишь секты, политические движения и вымысел. К тому же основная часть упомянутых организаций уже не существовала на момент действия в романе. // На самом деле Брэдли этой фразой точно цитирует один из выпусков газеты «Политический реестр» – памфлет Уильяма Кобблетта (1763–1835). // Рантеры – пантеистическая секта, существовавшая в Англии в XVII веке, проповедовавшая то, что Бог в каждом создании, и поэтому отрицавшая церковные институты. // Шейкеры – американская секта, зародившаяся в Англии, проповедовавшая социальное равенство и отказ от секса; считали их главу Энн Ли новым воплощением Христа. // Квакеры – конфессия, возникшая среди радикальных пуритан; утверждали ненасилие и гуманизм. // Диггеры – движение сельской бедноты против частной собственности, возникшее в 1649 году. // Левеллеры – радикальное политическое движение против монархии, появившееся в 1647 году. // Свадлеры – презрительное прозвище, данное ирландскими католиками методистам (англ. swaddle – пеленать). // Данкеры – христианская конфессия, организовавшаяся в Германии в 1708 году, проповедовавшая непротивление и принимавшая в качестве священной книги только Новый Завет. // Танкеры – то же, что и данкеры, исходное немецкое наименование, трансформировавшееся, когда конфессия распространилась в США. // Слайдеры, тумблеры и неиспорченники – неведомы зверюшки.

Образованный читатель наверняка догадался, что не испорченная эрудицией миссис Мюллет имела в виду Ахиллеса, которого мать искупала в реке Стикс, держа за пятку, чтобы он стал неуязвимым.

12

Бегума – знатная дама в Индии.

13

«“Пинафор” ее величества» и «Гондольеры» – комические оперы известного английского дуэта-композитора А. Салливана и либреттиста У. С. Гилберта, впервые поставленные в 1878 и 1889 годах, обе имели оглушительный успех.

14

Спорран – кожаная сумка мехом наружу с кисточками, часть национального костюма шотландского горца.

15

Жемчужные врата – это врата рая.

16

Речь идет о специальной разновидности чайных ложек, производившихся в Англии до 70-х годов XVIII века и служивших для того, чтобы отмеривать необходимое количество заварки для чайника. В те годы чай был очень грубым

и плохо отсортированным, поэтому, чтобы избежать попадания в чай пыли и грязи из упаковки, использовали специальную мерную ложку с дырочками (англ. mote spoon, mote – пылинка, соринка).

17

Сеть универмагов, основанная в Лондоне в 1871 году группой офицеров армии и флота. Изначально здесь могли делать покупки только военные и их жены.

18

Лорд Гав-Гав – прозвище нескольких ведущих на англоязычном пропагандистском радио, транслировавшемся нацистами в Великобритании и США с 1939 по 1945 год.

19

«Леди из Шалота» – знаменитая картина художника-пре-рафаэлиты Дж. У. Уотерхауса, посвященная поэме А. Теннисона «Волшебница Шалот».

Купить: <https://tellnovel.com/ru/alan-bredli/kopchyonaya-selyodka-bez-gorchicy-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)